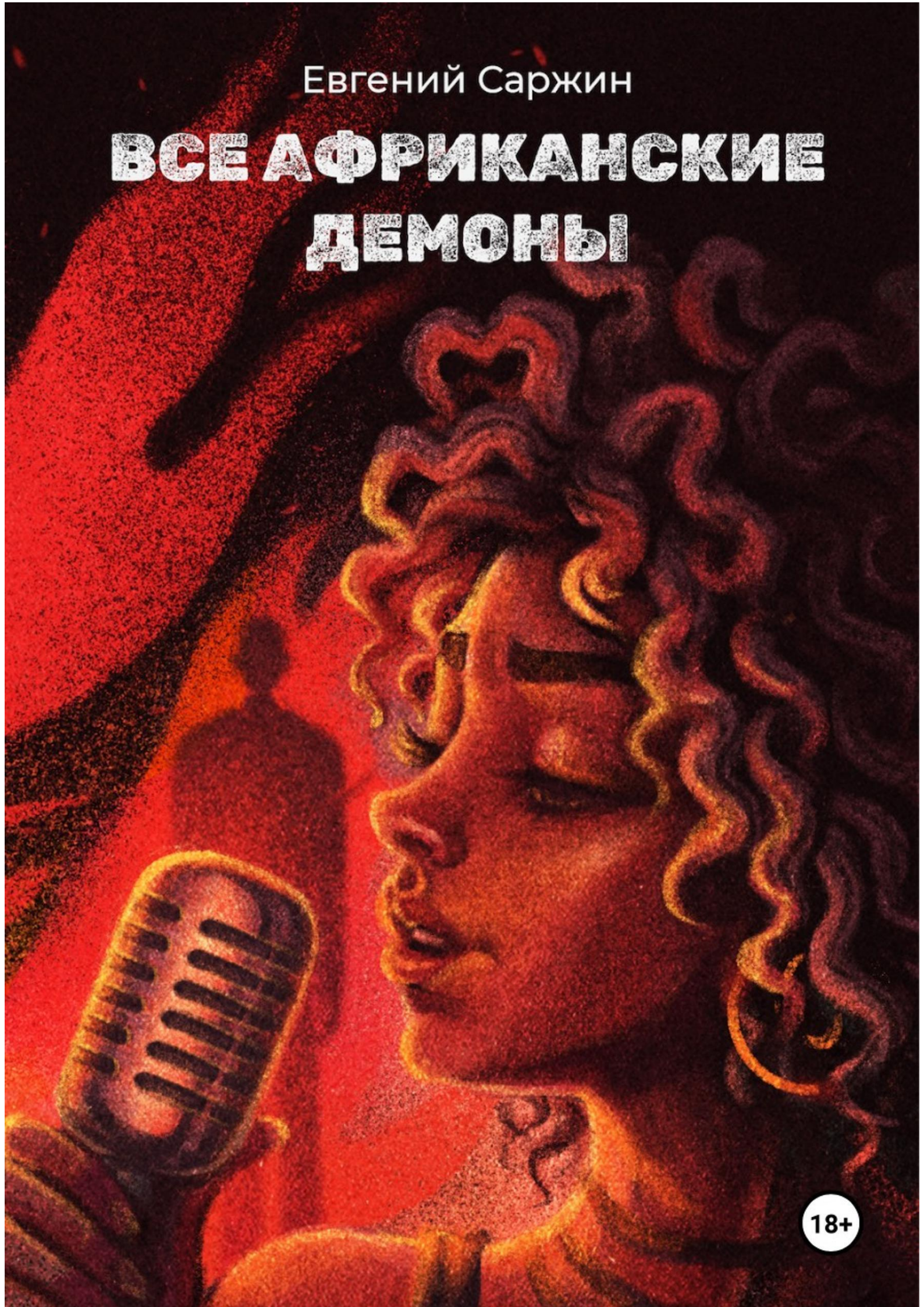

Евгений Саржин

ВСЕ АФРИКАНСКИЕ ДЕМОНЫ

18+

Евгений Саржин

Все африканские демоны

«Автор»

2026

Саржин Е. Л.

Все африканские демоны / Е. Л. Саржин — «Автор», 2026

История, начатая в "Там, где дует сирокко", продолжается. Пятеро человек, неосторожно перешедших дорогу сильным мира сего, бегут из сурового и фанатичного Государства Закона в свободный и богатый город на экваторе, где надеются начать новую жизнь. Но прошлое их не отпускает. Под жарким африканским солнцем, где над буйной тропической растительностью вздымаются башни небоскребов, плетутся не менее запутанные интриги, и оступившийся раз не получает второго шанса.

© Саржин Е. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Небоскребы над океаном	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Глава пятая	25
Глава шестая	30
Глава седьмая	36
Глава восьмая	40
Глава девятая	45
Глава десятая	53
Глава одиннадцатая	56
Глава двенадцатая	61
Глава тринадцатая	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Евгений Саржин Все африканские демоны

Небоскребы над океаном

Глава первая

Замиль всегда считала, что видела эту жизнь с изнанки и без прикрас. Ей нравилось смотреть так на себя – крыса со дна, злая и хитрая. Такую можно презирать, но попробуешь схватить – укусит.

Этой мыслью она часто тешила себя в мучительные минуты сомнений. Да, пусть вечерами её мнут потные руки богатеньких сластолюбцев, но лишь потому, что она сама им позволяет. Всем нужны деньги, вот она и зарабатывает, как может. Но тот, кто обидит её, быстро узнает, чего стоит девочка, выросшая в трущобах.

И вдруг оказалось, что трущоб – настоящих трущоб – она не знает и никогда не видела. Вся её прежняя жизнь в Мадине выглядела упорядоченной и спокойной, по сравнению с головокружительно крутящимся омутом Африки. Котону, этот странный город, в котором она оказалась вопреки своей воле, уже восьмой рассвет встречал её веселым многоязыким гомоном, расплавленным сиянием солнца в синем до рези в глазах небе, легким морским ветерком, пропитанным влажной жарой и тысячью пряных ароматов. А Замиль, оглушенная волной новизны, силилась постичь это место, так разительно отличавшееся от всего, что она видела в своей жизни.

Начать хоть с чудовищного контраста между центром и окраинами. Она поехала на *Von Filaas* в первый же день, вместе с Джайдой, потому что, еще во время их «карантина» в порту, смогла немного вызнать про этот центральный район. Из того, что Замиль прочла, выходило, что там вздымаются, сияя огромными тонированными окнами, башни корпоративных зданий, гостеприимно распахиваются прозрачные двери торговых центров, мерцают, обещая запретные наслаждения, вывески ресторанов и баров. Пусть не Европа, но что-то хотя бы похожее старый мир. Замиль ожидала встречи с ним, как сельский ребенок – поездки в парк развлечений.

Все оказалось и так, как она себе представляла, и совершенно иначе. Да, центральные районы, названия которых звучали магическим заклинанием – *Von Filaas*, пляс-д'Этуаль, Водж – ослепляли, от них захватывало дух. Но и подавляли они ничуть не меньше. По идеально уложенному асфальту скользили лимузины, каждый – как переливающаяся драгоценность на колесах. Замиль не могла определить марок, но понимала, что автомобили очень, очень дорогие.

Из припаркованных машин выходили люди – мужчины в безупречных костюмах никогда не виданного ею покроя вели под руку женщин, бесстыдно сверкавших голыми локтями, коленями и россыпью самоцветов на перстнях, серьгах и ожерельях. Иногда, впрочем, женщины дефилировали и сами – выглядя оттого ничуть не менее уверенно. Они проходили сквозь вертушки торговых центров, охраняемые входы корпоративных зданий, перед ними услужливо распахивали двери ресторанов – и Замиль узнавала запах, шлейфом тянувшийся за обитателями центра Котону. Так пахли большие деньги. Даром, что ли, шесть лет она ублажала богатых торговцев, чтобы теперь не понять, кто перед ней?

Люди в центральных районах были пестрым – она встречала белых, похожих на неё саму, африканцев, китайцев, людей, чье происхождение даже не могла сходу определить. Они отличались внешним видом и одеждой, но было у них и нечто общее – походка, взгляд, жесты, выдававшие хозяев жизни, людей, уверенных в своем статусе и банковском счете. Общим было и откровенное пренебрежение, с которым они смотрели на Замиль и Джайду, робко державшихся за руки и оглядывающихся по сторонам.

В один бар – а Замиль твердо решила попасть в настоящий бар и отведать алкоголь – их вообще не пустили. В другой они все-таки зашли, показав деньги, и посетители косились на них, как на ярмарочных обезьянок. Замиль заказала им по коктейлю, ткнув пальцем наугад. Вкус был волшебный – она даже не представляла, что напитки могут быть такими, и, смакуя коктейль по глоточку, Замиль вдруг поверила, что её мечты сбылись. Она в «старом мире», и теперь ей будет доступна свободная и радостная жизнь, которую отнял у неё проклятый Халифат.

А потом им принесли счет.

На борт «Грифона» они вернулись ошеломленные и подавленные. Джайда спустилась в кубрик, а Замиль осталась стоять на палубе, опираясь на поручни, мрачно глядя на веселую суматоху порта. Где-то вдалеке надрывался на непонятном языке громкоговоритель, недалеко от них по трапу заходили на обшарпанный катер пассажиры, темнокожие мужчины в потасканной рабочей одежде. Как коротко объяснил им Стефано, портов в Котону три – один для огромных теплоходов и океанских лайнеров, второй для нефтяных танкеров, и третий для местных рыбацких судов, пассажирских катеров и заграничных гостей низкого уровня важности. Вроде них. Замиль стукнула кулаком по поручню и от души выругалась по-датски.

– Потратилась? – сочувственно спросил подошедший откуда-то сзади Стефано. – Я про центр Котону немного слышал. Там в ресторанах оставляют за раз столько, сколько другие тут в месяц не получают.

Замиль угрюмо посмотрела на него исподлобья.

– Расскажи мне про Котону, – тихо попросила она, – все, что знаешь. Откуда здесь это все. Как появилось, и... как тут жить.

– Поздно вато ты вздумала расспрашивать, – по лицу Стефано пробежала косая усмешка, – а ведь за поездку было достаточно времени.

Она неопределенно пожала плечами. Да, конечно, Стефано прав – могла бы расспросить его и раньше. Но большую часть их поездки Замиль хандрила и валялась на кровати, изнывая от морской болезни и жалости к себе. Редкие же приливы энергии тратила на то, чтобы разобраться, где можно обменять деньги да на что потратить. Она много фантазировала, что сделает, оказавшись за пределами Халифата. И только оказавшись в Котону, осознала, что не знает и не понимает этот новый мир.

– Ну, насколько я знаю, началось это примерно так... – заговорил Стефано и Замиль вся обратилась в слух.

Она поняла не все из того, что он ей рассказывал. Впрочем, то, что касалось прошлых дней и африканской истории и было ей не особо интересно. Вроде бы, устанавливая свою власть в Западной Африке, махдисты решили не присоединять к Халифату побережье, где мусульман было мало, а вместо этого устроить своего рода гетто, куда сгоняли тех, кто не принимал нового пророка. Рассчитывали, видимо, что *кяфиры* будут там гнить в малярийных болотах, не создавая никому проблем, но просчитались. В прибрежных водах нашлась нефть. В перепаканном войной мире, который теперь надлежало восстановить – спрос на эту нефть. Это был первый шаг, вырвавший Новую Дагомею из нищего прозябания. Но потом последовал и второй. Великая катастрофа разорвала связи между разными частями мира, перетянула жгутами старые артерии. Однако миру нужен кровоток, любое тело без него умирает. При чем же здесь Котону?

– Ну и вот, – объяснял Стефано, – здесь просто сошлось всё сразу. Сначала на побережье обнаружили нефть, много нефти. А это деньги. Из того же Китая, где как раз начали сколачивать свой Нанкинский блок, первые покупатели и пришли. Плюс здесь тогда скопилось очень много людей, которые умирали от голода, и их нанимали работать буквально за еду. На их горбу выросли нефтеперерабатывающие заводы, деловые районы, компаунды для переселен-

цев. А потом оказалось, что эта африканская дыра годится не только чтобы нефть качать, но и чтобы заключать теневые сделки. Ибо не могут же принявшие Обновленное Учение напрямую торговать с гнусными грешниками из Беззаконных земель, да еще их нечистые руки пожимать при этом. Но кто сказал, что нужное нельзя получить через посредника? В Коране такой суры нет, говорят они, да и Махди напрямую не запрещал. В этих тропических водах, – и Стефано ткнул пальцем за борт, где в подернутой маслянистой пленкой воде плавали окурки, банановая кожура и бумажные стаканчики, – грязные товары грешников отмывались и становились чистыми достаточно, чтобы предложить их правоверным. Котону стал городом–посредником, городом–маклером. Повторилась история со Швейцарией во Второй мировой войне.

При этих словах Замиль вздрогнула. Её безумный отец незадолго до смерти пару раз заговаривал о внезапном росте Котону и Новой Дагомеи. И он тоже говорил что-то вроде «всем нужна нейтральная Швейцария». Так может, он был не так уж и безумен? Замиль потрясла головой, словно отгоняя от себя его образ – дрожащие руки, покрасневшие глаза, спутанные сальные волосы, – и спросила у Стефано:

– То есть здесь вертятся большие деньги?

– О да! – Стефано опять мрачно усмехнулся. – Можешь не сомневаться, здесь много людей с очень тугим кошельком. Но людей с голым задом все равно в разы больше. Как, впрочем, и везде. Так уж устроен мир.

Замиль не интересовала философствования. Куски головоломки начали потихоньку складываться в её голове.

– Вот почему там, в центре, все так дорого и так... – она искала слово и, не найдя лучшего, закончила, – блестяще.

– Там живет народ со всего мира, – Стефано кивнул, – но только те, у кого есть деньги на жизнь там. Нам-то она не светит. И, кстати, о жизни. Ты собираешься жилье искать? В кубрике «Грифона», согласишься, тесновато. А мне нужно команду набирать на лов. Вот, завтра пойду договариваться.

Замиль, конечно, понимала, что с «Грифона» им придется съезжать, да ей и самой уже поперек горла стоял и их тесный кубрик, и Салах с Таонгой. Только Джайду она еще как-то терпела, даже привязалась к ней по-своему.

Найти жилье в городе, где она не знает никого и ничего, начиная от языка его жителей, оказалось нелегкой задачей. Замиль умоляла Стефано дать им немного больше времени. Хотя почему им? Джайду он ни разу не упоминал, говоря с ней о её переезде, словно к ней его слова не относились. Но Замиль для себя решила, что Джайда уедет с ней – прежде всего потому, что очень боялась остаться совсем одна.

И вот, неделю спустя после их разговора, она шла по людной улочке района Фиджросе, по детской привычке скрестив пальцы, чтобы хоть на этот раз получилось. Не с работой, так с жильем, хотя лучше бы и с тем, и с другим.

Замиль, конечно, понимала, что районы, где живет беднота и рабочий люд всегда будут отличаться от тех, где обитают толстосумы. Так было и в Мадине, да наверняка и в любом другом городе мира. И все же контраст между центром Котону, сверкающим словно бриллиант в колье, с одной стороны, и прилегающими к порту Гангбе районами с другой, поражал. Это даже не другой город, а, как будто, другая страна. Удручающе однообразные улочки петляли и пересекались, и скачанная на наладонник карта мало помогала в них ориентироваться. На какую улицу не поверни – все те же трех–пятиэтажные блочные дома, обшарпанные, с исписанными стенами и висящим на штырях перед окнами бельем, заправочные станции, где полуголые автомойщики разливали бензин в баки древних автомобилей, дешевые едальни со столиками под зонтами, лотки, где над фруктами и закусками кружились рои мух. Пахло бензином, потом, подгорелым жиром, подгнившими фруктами, а иногда и мочой. И это при том,

что о районе Фиджросе отзывались еще как об относительно благоустроенном – по сравнению с расположенным дальше Хауенуссу, куда она боялась даже заглядывать.

И где-то здесь ей придется жить. Живот у Замиль подводило от нехорошего предчувствия, и где-то в душе занозой саднило сомнение – так стоило ли уезжать из Мадины? Стоило ли оно всего того, через что пришлось пройти или еще придется?

Погруженная в свои мысли, Замиль вскрикнула от неожиданности и отскочила назад, когда на перекрестке вдруг выкатил древний автомобиль с открытым кузовом, и, едва не отдавив ей ноги, развернулся. В его кузове подсакивали ящики с фруктами. Она выругалась по-итальянски, вторя прохожим, которые, как и она, шарахались из-под колес. Водитель, толстый чернокожий мужчина в засаленной майке, явно их слышал, ибо бокового окна в его колыхаге не было, но, не утруждая себя ответом, лишь газанул, выбросив облако едкого дыма, и поехал дальше.

Замиль криво усмехнулась. Культура езды Мадины, которая, как хором говорили все «старые люди», сильно упала после присоединения Острова к Халифату, казалась почти образцовой по сравнению с тем местной. Здесь и проезжая-то часть от тротуара не всегда отличалась, непрерывный поток людей, дряхлых машин, велосипедов и даже влекомых печальными осликами тележек, никто и никак не регулировал. Иди как хочешь, а если задавят – сам виноват. И здесь ей предстояло жить.

На самом деле она могла бы, конечно, поискать что-то лучше – хотя бы Гангбе. Прилегающий к порту район, казался ей куда приличнее, но... все упиралось в деньги. Сколько-то у неё было, конечно – сбережения из Мадины, плюс её небольшая доля от продажи их «компромата». Наверное, можно будет заложить и пару захваченных с собой золотых украшений. Да только надолго ли этого хватит? На три месяца, пусть на четыре, даже на пять, если ужмется – а потом что? И Замиль до тошноты боялась, что придет день, когда ей придется предлагать другим то же, что она предлагала в Мадине – свое белое чистое тело. При мысли о том, как её будут лапать руки этих черномазых босяков, снующих туда-сюда по этим трущобам, она ощущала почти физическую тошноту. А значит, надо найти этот проклятый перекресток.

Замиль так настойчиво искала это место потому, что пару дней назад в портовой закуской услышала обрывок арабской речи. Тут же наострив уши, она завертела головой по сторонам – и увидела, кто говорит. Трое мужчин, выглядевших как берберы, говорили на каком-то бедуинском диалекте, сидя за липким столиком и макая в острый соус местные клецки-*акпан*. Вот уж никогда не думала, что ей будет трудно заговорить с мужчинами – ей-то! – но все же пришлось сделать усилие, чтобы встать и подойти к ним.

Как бы ни воротило Замиль от Халифата, как бы она ни ненавидела в душе Государство Закона – это было единственное, что она знала. Здесь же, в Котону, она вдруг почувствовала себя чужой, чужой настолько, что временами хотелось плакать. Мало того, что она была белой как молоко, и все вокруг пялились на неё с неприязнью или похотливыми ухмылками, мало того, что она ничего не понимала в здешней жизни, – так еще и не могла говорить с людьми. Французский Замиль немного разбирала на письме, за счет сходства с итальянским, но на слух ухватывала только отдельные слова. Африканские языки звучали для неё обезьяньим лопотанием. Она почти ежедневно попадала впросак, потому что не понимала окружающих, и это приводило её в отчаяние. Но с этими мужчинами она хотя бы могла поговорить.

Мужчины оказались магрибцами, которых занесло сюда на заработки. Сначала они смотрели на неё с недоверием, но постепенно разговорились и сообщили, что магрибская община здесь есть, назвали ресторан, где те обычно собираются. Вытянула из них Замиль и то, что рядом с рестораном можно было снять жилье – мужчины называли это *auberge*. Услышанное окрылило её – настолько, что под конец она даже не обратила внимание на то, что один из них

прямо предложил ей предоставить кров в обмен на постель. Жизнь есть жизнь, а от мужчин ей и не такое приходилось слышать.

Трудно сказать, Замиль в итоге нашла перекресток или он её. Она битый час кружила по улочкам, карта больше сбивала, чем помогала, а чуть не каждый второй мужчина считал нужным бросить что-то сальное ей в след (один, не стесняясь, хлопнул её по ягодицам). Она чувствовала, что еще чуть-чуть – и просто встанет посреди дороги и будет плакать. Чистое упрямство и нежелание побитой собачкой возвращаться на «Грифон» гнало её вперед – и вдруг, выйдя из-за очередного поворота, Замиль увидела перекресток, вывеску De Koungbe на французском и, рядом – арабскую вязь. Все, как ей говорили.

Ресторан выходил на улицу широкой верандой с ограждением по пояс, на его вывеске был нарисован кальян, оплетенный змеей, но Замиль сейчас интересовал не он. Как там говорили те мужчины – обойти ресторан, и за ним, во дворе, *оберж*.

Это французское словечко Замиль и в Мадине слышала от магрибцев, такие дешевые гостиницы росли как плесень по окраинным районам, где селилась беднота из Мавритании или Марокко. Она особо туда не совалась – не было нужды, но сейчас...

Обойдя ресторан, Замиль мрачно уставилась на внутренний дворик – легковой автомобиль неизвестной марки с побитым бампером, турник, кривой столик, за которым сидели трое мужчин со стаканчиками чая. Наверняка это здесь, но как же здесь все похоже на Халифат! Хотя, если тут собираются магрибцы, чего еще ожидать. Замиль перешла через дворик и увидела, что навстречу ей поднялся ранее незамеченный мужчина – темнокожий, пожилой, с проседью в колючей щетине. Он крикнул ей что-то по-французски, и Замиль напряглась.

– Вы говорите по-арабски, *сайиди*? – спросила она с надеждой.

Мужчина остановился и посмотрел на неё – удивленно, как ей казалось.

– А что же такая белая и сладкая девочка не говорит на языке белых господ? – спросил он её по-арабски, Замиль узнала марокканский диалект. – И что же она ищет здесь?

– Я ищу жилье, – коротко ответила Замиль. Пусть себе пялится – только бы вышло!

– Жилье, значит. – Мужчина почесал себе подбородок, словно решая трудную задачу, и сказал. – То есть ты сама?

– У меня нет мужчины, – кивнула Замиль, стараясь выглядеть деловой. – Но я с подругой. Комнату на двоих. Так можно?

– Значит, не говоришь по-французски, – мужчина рассматривал её, словно никак не мог сложить в голове воедино её внешность, язык и одежду, – и ищешь жилье.

– Да, сайиди. – Вымотанной поисками Замиль очень хотелось вспылить, но она изо всех сил заставляла себя говорить вежливо. – Мне нужна комната.

– Белая, а не говоришь по-французски. Еще и одета как *еве*. Ну что ж... надо тебе к хозяйке.

Раздраженной Замиль казалось, что она слышит, как скрипят у мужчины извилины, и она мысленно выругалась по-датски. Хозяйкой оказалась дородная чернокожая женщина, и Замиль напряглась, ожидая новых расспросов, но та не проявила любопытства. «Двадцать дагомейских франков в день, деньги за неделю вперед», – сухо сказала она, когда Замиль объяснила, что ей нужно. И вот, десять минут спустя, Замиль уже стояла в дверях, и осматривала своё новое жилище.

Увидев хозяйку, она сразу вспомнила о Таонге и её ночлежке в Марсале. Сейчас же, глядя на комнатку с двумя постелями, убранными застиранным покрывалом, на обшарпанный деревянный столик и захватанное пальцами круглое зеркальце над ним, подумала, что в Марсале – то было получше. Но выбирать не приходится. Ей теперь здесь жить – пока не найдет, как разбогатеть да съехать из поганой дыры. Вздохнув, она повернулась и вышла из комнаты, закрыв за собой хлипкую дверь. Что ж, здравствуй, новый мир.

– Где здесь можно поесть? – спросила она у хозяйки, которая сидела в плетеном кресле, елозя пальцами по наладоннику.

– Ресторан открыт с восьми, – ответила та, не отрываясь от экрана.

Глава вторая

– Я смотрела какие здесь цены, – сказала Таонга. – Примерно пыталась переводить на истинные денары. Того, что будет посылать мне Салиха, хватит либо на съём квартиры, либо на еду. Не хочется совсем её без прибыли оставлять. У меня есть, конечно, немного денег на счету...

Салах вернулся на «Грифон» и объявил Стефано, что съезжает – он нашел жилье. После чего предложил Таонге немного прогуляться. Она согласилась с радостью, втайне надеясь, что тот приведет её в какое-то укромное местечко, где можно будет, наконец, заняться любовью. Но вместо они пришли в небольшую забегаловку на краю порта, где Салах заказал им по кофе со льдом – после чего заговорил с ней о Котону.

– А где ты меняла деньги?

– Возле главного здания порта стоят менялы. Я сначала разбила у них чуть-чуть, чтобы проверить что не обманут, а потом разбила чуть больше. А дальше по улице есть банк, и, кажется, там можно получить деньги из Даулят-аль-Канун, но я не знаю...

Она не договорила. Не потому, что не вспомнила вовремя арабское слово, а потому что её глодала обида. Салах спрашивал её, как она собирается тут жить и на что, совсем не так, как мужчина говорил бы об этом со своей женщиной. Но с чего она вообще вообразила...

– Здесь подлый курс. – Салах пожал плечами. – Я сталкивался с таким. Это было лет десять назад, но, кажется, ничего особо не изменилось. Получить деньги из банка Халифата можно, но они сдерут свою мзду, шакалы. В общем, хорошо, что пока есть на что жить, но я бы на твоём месте задумался, как можно зарабатывать.

Таонга уже раскрыла рот, собираясь спросить: «А разве мы не будем жить вместе?», но в последний момент осеклась, и поднесла к губам стакан с холодным кофе.

Больше двух недель прошло с того дня, как Таонга увидела его лежащим на полу складского помещения в Хергле, в пропитанной кровью рубашке и с жуткой гримасой боли на лице. Салах выздоравливал, уже одеваясь и перемещаясь без посторонней помощи, хотя его плечо и рука все еще не обрели полную подвижность. Но, по мере выздоровления он все больше отдалялся от неё. Таонга не отходила от него днями, ловя малейшие проявления нежности и признательности, – но мавританец, похоже, нуждался в этом все меньше и меньше. Он снова уходил в свой мир и не звал её за собой.

Погруженная в свои печальные мысли, Таонга пропустила его следующий вопрос.

– Что, прости?

– Говорю, арабский тут мало кто знает, таких людей искать надо. А так – либо французский, либо эта их тарабарщина. Хорошо еще, что по-французски я немного говорю. Твои же родители были откуда-то отсюда, верно? Ты знаешь какой-то здешний язык?

– Мы из Нигерии, – ответила Таонга хмуро. – Я немного говорила с родителями в детстве на иджо, но потом они стали говорить с нами по-итальянски, и я почти все забыла. Местных я не понимаю вообще.

– Плохо.

Да уж ничего хорошего. Салах сказал, что сейчас ищет, куда бы им переехать, – и Таонгу обрадовало это «им». Значит, он все-таки не выгоняет её прочь из своей жизни. Но говорит с ней так сухо, больше о делах, о деньгах... не то чтобы Таонга нуждалась в нежных словах. Словам она не очень верила – уж сколько ей самой пришлось говорить мужчинам, что те хотели слышать, словно читая выученное стихотворение. Но привязанность мужчины проявляется не только в словах, и Таонга прекрасно умела читать на языке тела. Увы, ничего из того, что она

видела, не говорило ей о том, что Салах испытывает к ней какие-то нежные чувства. Чего она вообще ожидала?

Ругая себя, Таонга мрачно брела в порт, не обращая внимания на сутолоку вокруг. Поворачивая на набережную, она вдруг столкнулась с женщиной, вынырнувшей из-за угла с подносом жареных бананов в руках. Женщина выкрикнула ей что-то явно нелестное на местном языке, Таонга машинально огрызнулась по-итальянски, но замолчала, в очередной раз пораженная тем, что видела. Четвертый день она здесь, но до сих пор не может привыкнуть к тому, как выглядят и ведут себя местные женщины.

Вот, хотя бы, эта, которая её едва не сбила, теперь уходила дальше по переулку. Таонга потрясенно смотрела на её голые икры, обтянутый дешевой джинсовой тканью зад, открытые, почти до плеч руки. Первый день, увидев такое, Таонга похолодела от ужаса. Женщину, появившуюся в подобном виде в Марсале, да и в любом другом городе Халифата, сначала бы оплевали, забросали объедками, а потом забрали в полицию, и либо сдали опекунам мужского пола, чтобы они выплатили за неё штраф да примерно наказали, либо отправили на общественные работы, если бы таких опекунов не оказалось.

Она помнила, конечно, другое время, когда сама вышагивала по Марсале в озорной мини-юбке, встряхивая пышной черной шевелюрой, которую она то заплетала в дреды, то украшала ленточками. Время, когда можно было открыто флиртовать с мальчиками и пить пиво.

Но это было так давно. Мир с тех пор перевернулся и стал другим – везде, как она простодушно верила. Пришло Обновленное Учение и его хадисы, пришли хиджабы и понятие о том, что для женщины *аурат*¹. Да, за всей этой набожностью таился порок, как мокрый гниющий струп под слоем пудры, – но были правила, соблюдать которые требовалось хотя бы для вида, даже у них в Марсале.

Но здесь... Женщины, в основном чернокожие, как она, расхаживали одетые как угодно: в пестрые африканские платья с глубокими вырезами на груди, в узкие рабочие джинсах, в шорты, едва прикрывавшие круглые задницы. Они не знали приличий, громко хохотали, подмигивали мужчинам, прилюдно курили и заказывали пиво в харчевнях. И Таонга смотрела на них со смесью ужаса и ошеломления: воспитанная Халифатом, она постоянно ожидала что вдруг наваждение спадет и на этих женщин укажут десятки пальцем с воплем «Шлюха!», а потом раздадутся свистки полиции.

Но африканская суматоха все так же кипела вокруг, равнодушное солнце лило с неба липкий жар, и никому не было дела до грехов и кары Аллаха. И Таонга постепенно начинала осознавать, что Котону – это не другой город, даже не другое государство, это другой мир.

На «Грифоне» было тихо. Замиль ушла куда-то, и Таонга молча порадовалась – хотя после пережитого она уже не испытывала к Замиль прежней враждебности, белая оставалась ей неприятна. Ну да недолго терпеть, сейчас она соберет вещи и через день-другой съедет с этой посуды.

– Таонга, ты уже здесь? Подойди сюда, хочу кое-что спросить!

Подняв голову, она увидела, что Стефано, который сидел возле рубки, теперь поднялся на ноги. В одной руке он держал наладонник. Таонге захотелось сказать, что она занята, но, подумав секунду, она все же повернула к нему. Чем можно быть занятым на этой скорлупке? Действовать на нервы друг другу?

¹ Аурат – часть тела, которая, по нормам ислама, должна быть прикрыта. Для мужчин аурат – тело от колен до пояса, для женщин – все, кроме ступней, кистей рук и лица. Само лицо, вопреки распространенному мнению, ауратом в классическом исламе не считается.

– Ты без Салаха? – спросил Стефано, одним глазом поглядывая на экран наладонника, и рыбак показался Таонге более мрачным, чем обычно. Что он там вычитал?

– У него дела в порту, – ответила она сухо. – Должен вернуться к вечеру. А что ты хотел спросить?

– Вот. – Стефано протянул ей наладонник, тот был открыт на какой-то новостной страничке, по зеленовато-желтому экрану бежали рядки латинских символов. – Я залез в их новости. С новой карты для наладонника. Ты уже получила карточку Котону?

Таонга покачала головой.

– Это несложно, можно купить прямо в здании морского вокзала. Так вот, зашел я в Зеркало, или как это у них тут называется, почитать новости. А тут вот это. – Он ткнул рукой в какое-то изображение в уголке экрана. – Местная лента новостей. Читал по-французски, кое-что разобрал.

– Так что там случилось? – нетерпеливо спросила Таонга, которая вдруг ощутила неприятное предчувствие. Господи, они только сбежали из Халифата, от его безумных новостей и кровавых толп на улицах. Здесь-то что могло случиться?

– Как я понял, на старой земле... ну, в Европе или как они там сейчас себя называют... что-то произошло. Вспышка болезни, как я смог разобрать. Они закрывают аэропорты. Полиция на ухах.

– Хорошо, но нам-то что с того? – У Таонги немного отлегло от сердца. Европа далеко, пусть там хоть нашествие крыс, им свою жизнь строить здесь.

– Ничего, но... Они полагают, что это не случайность. Диверсия. Кто-то запустил специально выведенную отраву. Даже с моим плохим знанием французского я смог понять, что все пальцы там указывают в сторону Халифата.

– Вот дерьмо!.. – Не то, чтобы Таонгу серьезно волновали проблемы далеких стран, где она никогда не была, но сложить два и два ей не составило труда. Они бежали, преследуемые фанатиками, вопящими о новом Газавате, и вот теперь эта история. В её голове снова мелькнул тот кошмарный день в Сусе, летящие в окна камни, огонь, яростные крики «Аллаху акбар!». По спине пробежала дрожь.

– Знал я, что эти обезьяны не успокоятся, но что они еще раз полезут в Европу... – Стефано выплюнул сквозь зубы крепкое сицилийское словечко. – Чуть не пол-мира под их мерзким восходящим солнцем. Чего им, чертям, неймется?

– А что у нас дома, на... Сицилии? – Таонга чуть не сказала «в аль Джазире», но вспомнила, насколько болезненно Стефано относится к таким вещам.

– Ничего хорошего. – Стефано еще раз посмотрел на наладонник. – Я кое-как разобрал новости на французском, нашел еще на английском. Но тут вот есть на йоруба, местном языке. Ты йоруба понимаешь?

– С чего я его должна понимать?

– Ты же «истинная дочь Африки». – Стефано не улыбнулся, но в голосе его прозвучала ирония. – Никакого местного языка не знаешь?

– Я что, все языки Африки должна знать теперь? – вспыхнула Таонга, вспомнив, как её недавно спрашивал об этом же Салах.

– Ладно. – Стефано разочарованно посмотрел в наладонник. – Пороюсь по страничкам еще. Хочу понять, что там происходит.

– Расскажешь потом, – бросила Таонга, развернулась и двинулась к кубику.

Новости ей не понравились, но и не слишком встревожили. Одержимые безумцы из Государства Закона, зачумленные грехом Беззаконные земли – это, плохо, но ведь так далеко. Здесь, в Африке, это не сможет её коснуться.

Глава третья

Что ж, по крайней мере здесь можно открыто пить алкоголь, даже женщине. Замиль довольно хмыкнула, еще раз посмотрев на стоявший перед ней пластиковый бокал с просяным пивом, и тарелку, в которую Ятти щедро насыпал ей какие-то закуски в местном стиле – мучные клецки с приправой из острого красного соуса. Она уже знала, что вкус пойла, которое подают в дешевых ресторанчиках окраин Котону, мало похож на тот волшебный напиток, который ей довелось отведать в ресторане в центре. Но, по крайней мере, его она может себе позволить. Замиль подняла бокал, покачала в руке, раздумывая, пить ли. Перед танцевальной программой может и не стоило бы – но ведь еще два часа. Успеется. Да и плясать совершенно трезвой не хотелось. Решившись, она поднесла бокал к губам и сделала глоток. От пива во рту и носу зашипало, но его вкус, казавшийся ей таким противным сначала, теперь даже успокаивал. Как же все-таки она к этому пришла?

Найдя жилье, Замиль, окрыленная успехом, решила тут же спросить о работе. Ресторан *De Koungbe*, куда она зашла перекусить, был известен тем, что в нем часто собирались местные магрибцы. Замиль рассчитывала, что там будут люди, которые знают арабский, а может стать и итальянский, и они ей помогут. Однако высокий, плечистый бербер в поварском фартуке, которого она встретила на входе в кухню, только смерил её взглядом и заговорил по-французски. А, когда Замиль сказала по-арабски, что она ищет любую работу, только спросил:

– А что ты умеешь делать?

Вопрос, от которого у Замиль как будто что-то оборвалось в животе. Хотя мог ли работодатель спросить другое? И ведь он был не первый – её спрашивали об этом и Джайда, и Стефано, когда в очередной раз слышали от неё о Беззаконных Землях. Чем ты там займешься? Что ты умеешь делать? А делать она умела, честно сказать, немного.

– Может быть, вам нужна официантка, – робко сказала Замиль.

Официантки были не нужны.

– Ты умеешь готовить? – спросил мужчина.

– Немного.

Замиль обучали готовить – еще дома, мать, пока была жива, а потом в интернате, где она провела полтора года, оставшись сиротой. Ведь добропорядочная женщина нового Халифата должна ублажать мужчину везде – и за столом, и в постели. Замиль не хотела быть добропорядочной женщиной и училась готовить кое-как. Она неуверенно перечислила, что смогла бы приготовить, но мужчина только покачал головой. Его не впечатлило. Но потом он еще раз посмотрел на неё тем особым взглядом, которым мужчины оценивают женщину, или, скажем, машину при покупке.

– Может быть ты умеешь петь? – спросил он.

Замиль в очередной раз покачала головой. Но, видя, что искра интереса в его глазах погасла, она, словно переступая через себя, сказала:

– Но я очень хорошо танцую. Левантийские танцы. Я училась несколько лет.

И мужчина посмотрел на неё с новым любопытством.

– Тогда, может, сойдемся, – сказал он ей. – У нас была развлекательная программа, певица, пела по вечерам, да на прошлой неделе сбежала с каким-то уличным музыкантом. Ты могла бы танцевать, лучше не одна, но вторую мы тоже найдем. За это будем платить двадцать франков за вечер, или пятнадцать плюс ужин.

Так Замиль и оказалась принята, да не одна, а с Джайдой – за которую она, недолго думая, тоже дала согласие.

– Только сразу говорю, я танцую, но ублажать мужиков потом не собираюсь, – резко сказала она, когда все остальные условия были обговорены.

Мужчина, успевший представиться как Ятти, только усмехнулся:
– Твоя потеря.

И даже сейчас, глотая терпкое, будто слегка прокисшее, просяное пиво и рассматривая подходящий к *De Koungbe* народ, она думала, как иронично все в итоге вышло. В Мадине она плясала в прозрачных шальварах перед распаленными кобелями, а потом ложилась с ними в постель. Она бежала оттуда – с таким трудом, едва оставшись в живых, и ради чего? Опять будет танцевать, причем на потеху тем же магрибцам, которые здесь завсегдатаи. Ну, а на что она могла рассчитывать? Что она умела делать еще? Разве это хуже, чем таскать пиво и закуски тем же подвыпившим мужикам? По крайней мере, она не обязана с ними спать, и (Замиль пообещала себе это твердо), первому, кто протянет к ней потные ручонки, она покажет все, чему научилась на улицах Мадины.

Сложнее вышло с Джайдой. Вернувшись на «Грифон», Замиль сказала Стефано, что нашла, где жить, и уезжает сегодня же. Тот только кивнул, явно обрадованный новостью. За время путешествия его травмы почти зажили, и местный портовый костоправ снял гипс с его руки. Она знала, что Стефано сейчас старается найти способ заработать тем же, чем зарабатывал в Марсале – рыбным ловом, и возится с какими-то местными документами. Таонга и Салах уехали еще третьего дня.

– Мы с Джайдой будем работать в ресторане *De Koungbe*, – зачем-то добавила Замиль, – пока не найдем что-то получше.

И по лицу Стефано внезапно пробежала тень.

– Ты и Джайду тащишь с собой в этот притон? – спросил он, и Замиль поразила внезапная враждебность в его голосе.

– Это не притон, а просто ресторан, – ответила она холодно. – И ничего там с ней не будет. Всяко лучше того, чем ей приходилось заниматься в Мадине.

Стефано молчал, угрюмо глядя на неё и пожевывая зубочистку в уголке рта. Он часто так делал в море, объяснив как-то, что это помогает справляться с желанием закурить.

– Джайда совсем юна, – наконец сказал он. – Ты представляешь, что её ждет в этой африканской дыре?

– Я знаю Джайду подольше твоего, – огрызнулась Замиль. – Что её там ждет такого, чего не ждало бы где угодно здесь, скажи-ка?

Стефано не ответил.

– Ты хочешь сказать, – Замиль неожиданно запнулась, – что оставляешь Джайду здесь? На своем корабле, в своей постели? Да? И это будет сильно лучше?

На какую-то секунду Замиль показалось, что Стефано готов сказать «да», и её охватил внезапный страх. Она не сомневалась, что будет жить в Фиджросе вместе с Джайдой, и от этого становилось спокойнее на душе. Все-таки не одна, а малюку она давно знала и вдвоем не так одиноко. Стефано помолчал и наконец бросил:

– Поговори с ней.

Джайда согласилась без колебаний. Она, как и Замиль, мало что умела делать, и, похоже, даже не задумывалась над тем, что у Стефано могут быть свои планы на неё.

Вечерело, но небо оставалось светлым – Замиль уже успела убедиться, что темнеет тут очень быстро, как будто длань Всеблагое одним движением гасит солнце. *De Koungbe* постепенно наполнялся людьми и она, отставив пустой стакан, с невольным любопытством разглядывала посетителей. В отличие от центра города, белых и азиатов тут практически не было. Приходили работяги – в линялых джинсовых шортах и широких рубашках навыпуск, они зака-

зывали простые блюда, вроде *фуфу*² с острой приправой или овощного супа *калему*, и поедали свой ужин быстро, прихлебывая выдохшееся просяное пиво. Замиль узнавала их манеры – примерно так же выглядели и работяги в Мадине, которые часто набивались вечерами в дешевые местные едадьни. Они просто хотели немного забыться, закончив один тяжелый трудовой день и зная, что завтра будет другой такой же. Но, хотя такие люди выглядели усталыми и мрачными, она по опыту знала, что иногда в них взбрыкивает ярость и похоть. Бывают ли здесь драки, любопытно?

Но были и клиенты совсем другого рода – местные модники, искавшие приключение на вечер или развлекавшие своих пассий. Они щеголяли в костюмах из цветастой ткани и небольших круглых шапочках на головах. Вряд ли здесь собирались богачи, но многие украшали себя броскими украшениями, цепями на шее, перстнями – золото или, скорее, подделка под него. С ними были и местные дамы в обтягивающих платьях, со скрученными в узел или пышно взбитыми волосами. Они хохотали, сверкая белоснежными зубами, и совсем не стеснялись, когда мужские руки обнимали их за талию или хлопали по круглым задкам. И мужчины, и женщины заказывали выпивку, кто победнее – *чукачу*, дешевое просяное пиво, но некоторым выносили и стаканчики с какими-то цветными настойками или жестяные банки с яркими этикетками.

Отдельно садились магрибцы – Замиль узнавала характерные берберские лица, и, даже не различая слов, слышала арабский говор, доносившийся от их столиков. Каково-то им здесь, среди кяфиров и их шлюх, где творится такой *харам*³? Но, к её удивлению, те ничуть не выглядели смущенными – и официантки, разбитные чернокожие девицы в шортах выше колен, подавали им не только местные блюда, но и стаканы с пузырящимся пивом.

Думают, в Котону Аллах не увидит, с усмешкой подумала Замиль и обернулась в сторону кухни. Ятти как раз в очередной раз выходил оттуда – он метался так весь вечер, хриплым голосом раздавая приказы официанткам и невидимым ей поварам, но вот, посмотрев на неё, ткнул пальцем в сторону небольшой сцены, возвышавшейся над землей сантиметров на двадцать. Там сиротливо торчала стойка от микрофона, в обрамлении колонок, и чуть глубже шест. Замиль только кивнула ему и поискала взглядом Джайду. Они пришли вместе, но Джайда крутилась и вертелась на стульчике, и в конце концов сказала, что ей нужно уединиться и подготовиться к танцам. Ну что, пусть готовится.

– Начинаешь через пятнадцать минут, – бросил ей Ятти, в очередной раз направляясь в сторону кухни.

Что ж, сказано – значит, начнем. И Замиль, оттолкнув стул, поднялась. Сейчас посмотрим, как местным придется по вкусу их черно-белый дуэт.

...что ж, и не так плохо все вышло. Танцевали они с небольшими перерывами полтора часа, под странные мотивы, смесь левантийских с магрибскими, и сейчас, покрытые потом, сидели за столиком в глубине ресторана и жадно глотали минеральную воду. Джайда была серьезной и спокойной, как и во время своих танцев в *байт-да'ара* Зарият, но Замиль стреляла глазами по сторонам, напряженная и готовая дать отпор любому.

Во время танца она иногда слышала выкрики и явно скользкие замечания, но в целом большинство посетителей скорее воспринимали их программу как фон. Мужчины за столиками бросали на них оценивающие взгляды, подталкивали друг друга локтями, но потом опять возвращались к хмельному, острым закускам и болтовне со своими женщинами.

² Фуфу – популярное дешевое блюдо в Западной Африке, похожее на тесто или очень густую кашу из ямса или маниока. Не обладает ярким вкусом, потому его нередко едят с соусами.

³ Харам – все запрещенное по нормам ислама.

– Ты будешь здесь ужинать? – спросила Замиль. Она-то свой ужин в счет оплаты уже съела, но Джайда, только собиравшаяся что-то ответить, вдруг бросила настороженный взгляд в сторону. Замиль повернулась и увидела, как к их столику приближается какой-то мужчина.

«Началось, *medda*⁴», – с досадой подумала она и мысленно ошетибилась. Сейчас она объяснит этому похотливому козлу, куда он может идти со своими подкатами.

Мужчина, направлявшийся к ним, был чернокожим, как большинство посетителей *De Koungbe*, но в остальном мало походил на них. Средних лет, с бритой головой, он был одет в широкую хламиду из коричневато-оранжевой ткани, шею охватывала золотая (или позолоченная) цепь, на груди поблескивал странный значок, приколотый к ткани заколкой в форме птичьей головы.

Он остановился напротив их столика, и Замиль посмотрела на него тем взглядом, которым умела смотреть на мужчин, без слов говоря «тебе сегодня не обломится».

– Ас-саламу-алейкум. – Мужчину спокойно и серьезно смотрел на Замиль, без всяких ухмылочек, с которыми обычно пытались начать с нею знакомство. – Меня зовут Адедайо. Вы же из Халифата, красавицы, верно? Но не выглядите, как магрибки.

Он говорил по-арабски, но странно – как будто сам не был уверен, какой диалект использовать, и мешал *хассания*⁵, магрибскую речь и отдельные слова и вовсе выговаривал как в *фусха*⁶.

– Алейкум⁷, – холодно ответила Замиль, – мы танцуем тут по вечерам, и больше нам нечего сказать.

Джайда молчала, опустив глаза и сжав стаканчик с минеральной водой.

Адедайо ничуть не смутило откровенное недружелюбие Замиль.

– Я знаю, что из Халифата, – сказал он. – Я знаю обо всех новых людях здесь. Давайте выпьем немного и поговорим?

– Нам платят за то, чтобы танцевать, а не говорить, – отрезала Замиль. – И мы уже собираемся домой.

Адедайо усмехнулся, блеснув золотым зубом.

– Ятти говорил, что новые девушки колючие, – сказал он и без колебаний взял стоявший рядом стул, придвинул его и уселся напротив Замиль, – но ты можешь быть спокойна. Моя жена горяча, но, если она мне надоест, бабу на вечер я могу найти где угодно в Фиджросе. Меня тут все знают. Но я подошел к вам не для этого.

– И для чего же? – Замиль против воли почувствовала, как где-то в глубине души щекочет любопытство. Она хорошо знала, как выглядят мужчины в поисках приключения на одну ночь, но Адедайо в этот образ не вписывался. Впрочем, кто знает, что за народ тут в Котону?

– Я же сказал, хочу поговорить, – сказал Адедайо, и опять усмехнулся. – Новые люди оттуда, – он мотнул головой, словно показывая куда-то далеко, – часто приносят новые вести.

– Ты можешь зайти в Зеркало за новыми вестями. – Замиль перешла на ты, интуитивно чувствуя, что так будет правильно. – Нам-то зачем трепаться с незнакомцем?

– Я не незнакомец, вам уже известно мое имя, и, сказал же, меня в *De Koungbe* знает любой. Вы ведь видите, что к вам никто не подкатывает? А не задумывались, почему?

– Ты решил, что обломится только тебе? – недобро усмехнулась Замиль. Джайда, сидевшая рядом с ней, подняла взгляд, как будто хотела что-то сказать, но смолчала.

⁴ Medda (ит.сиц.) – дерьмо

⁵ Хассания – диалект арабского языка, используется в Мавритании и прилегающих к ней регионах.

⁶ Фусха (араб.) – литературный арабский язык и основанный на нем разговорный стандарт. В повседневной жизни используется достаточно редко, обычно арабы говорят на свойственном данной местности диалекте.

⁷ Полный ответ на приветствие – ва-алейкум-ис-салам, допускается и сокращенный ответ «салам». Ответ же «алейкум» стилистически маркирован и выражает, как правило, не расположение к собеседнику и нежелание продолжать беседу.

Адедайо продолжал спокойно улыбаться, словно не замечая нарочитую грубость Замиль. Вместо ответа он полез куда-то в складки своей хламиды и выудил оттуда блокнотик и небольшую ручку в блестящем позолотой футляре.

– Я сейчас напишу мое имя и телефон, – сказал он, пододвинул стул к их столу, положил блокнотик, начал что-то писать, и не поднимая головы, продолжил: – Новости из Халифата да и других краев могут стоить денег. Если это важные новости. И, если они у вас есть, – почему бы не поделиться.

Дописав, он вырвал листок из блокнота и пододвинул его к Замиль. Та не пошевелилась.

– Возьми, все же. – Адедайо медленно поднялся и почесал гладко выбритую щеку. – Мало ли что ты вспомнишь. Кто знает, найдется что-то ценное. Почему бы не подработать? Деньги тебе нужны.

– А откуда ты знаешь, что мне нужны деньги? – поинтересовалась Замиль, по-прежнему не прикасаясь к листку.

На это Адедайо ухмыльнулся, не вежливой сдержанной улыбкой, как раньше, а как будто его искренне насмешило услышанное.

– Потому что вы в Фиджросе, – сказал он, как будто это все объясняло.

Глава четвертая

– Они не пускают на новостные странички Халифата. – Салах оторвался от своего наладонника, – «Коридоры» тут наверняка тоже есть, но не могу разобраться, как с ними работать. А местные новости все на французском, английском или йоруба.

– На арабском ничего нет? – спросила Таонга.

Салах покачал головой:

– Пара страниц, но там всё явно фильтровано. По ним ничего не понять.

Их новая квартира оказалась не такой плохой, как опасалась Таонга. Салах нашел местечко недалеко от порта, которое держал какой-то говоривший по-арабски сенегалец. Помимо спальни, здесь даже была комнатка с окнами во двор, хотя вид внутреннего двора со второго этажа не радовал глаз: остов сломанного велосипеда, ржавая ванна, которую периодически наполняли водой, к радости нескольких голых черных карапузов, припаркованная колымага непонятной марки. Таонга с грустью вспоминала скромный комфорт своего пансиона в Марсале, но что в прошлом, то в прошлом.

Открытые окна хотя бы впускали свежий воздух, и сейчас Салах сидел на небольшом засаленном диванчике, напряженно листая наладонник, а Таонга пристроилась напротив в шатающемся под её весом ротанговом креслице.

– А что ты хочешь понять? – опять спросила Таонга, хотя знала ответ.

Салах напряженно искал новости о происходящем в Государстве Закона, прежде всего на покинутом ими Острове. Он листал новости даже вчера вечером, когда они лежали рядом голые после любви, хотя Таонга надеялась, что он захочет с ней поговорить.

Салах поднял на неё глаза, и Таонга увидела, что смотрит он серьезно и сосредоточенно.

– Там что-то происходит, – сказал он, – в Беззаконных землях. В... Европе. И это как-то связано с тем, что мы видели, когда бежали. С тем, что у нас было, и наверное, тем, что...

Он резко остановился, не закончив предложения. Таонга посмотрела на него в ответ, ощущая, как его беспокойство передается и ей. Они, конечно, говорили во время их плавания вокруг Африки, но больше о прошлом, о детстве, о каких-то далеких вещах. Таонга не спрашивала Салаха о том, от чего же они на самом деле бегут, чем же он так насолил «большим людям», и что было в тех записях, из-за которых их всех чуть не убили. Не спрашивала – но, может, пришло время.

– Салах... – хрипло произнесла она, он посмотрел на неё, и она прочистила горло. – А что... что происходит там, в Европе, и почему ты думаешь об этом сейчас?

Она, конечно, помнила свой разговор со Стефано, но никак не могла связать это с Салахом, с ними. Они же здесь, в Котону, почти на экваторе, и тысячи километров отделяют их и от лицемерной набожности Аль Джазир, и от гнилого порока Беззаконных земель. Да и в любом случае они не имеют ко всему этому отношения. Или... имеют? Таонга еще раз посмотрела на напряженное лицо Салаха и почувствовала, как неприятно сводит живот от тяжелого предчувствия.

– Насколько я сумел понять, – ровно заговорил Салах, – там неожиданно появилась странная болезнь сразу в нескольких крупных городах. Они вроде предполагают, что им отравили воду. И понятно, кого в этом обвиняют. Но на арабском совсем мало информации, да и той я не очень верю. Надо бы все же разобраться, какие здесь есть программы – может, для перевода, а может, для выхода в «коридоры». Наши наладонники здесь работают, но от карточек Государства Закона толка нет, нужно, видать, обзавестись местными.

– Салах, – Таонга прокашлялась, почувствовав себя более уверенно, – я об этом уже думала и кое-что узнала. Все не так плохо. Если есть документы, приобрести местную карту не проблема. Зеркало здесь называют «Интернет», как было и у нас до... ну, до войны. Через

маль-амр на Остров не дозвониться, но есть способ обойти запрет, просто нужно загрузить кое-что на наладонник. Мне помогли в порту, и...

Она замолчала, когда Салах оторвался от своего наладонника и посмотрел на неё с внезапным интересом.

– Хорошо, – кивнул он, – ты умница, Таонга. Как ты все успела это узнать здесь, в чужом городе, когда даже языка не знаешь?

– Я же истинная дочь Африки, – Таонга хотела сказать это иронично, но прозвучало, скорее самодовольно, – Так что здесь я дома, не пропаду. Хотела сказать – я сегодня иду ставить себе местную карту на наладонник. Может, и тебе заодно купить?

– Купи, – кивнул Салах. – Сейчас, подожди, дам тебе деньги.

Так и вышло, что после обеда Таонга вышагивала по залитой солнцем улице с высоко поднятой головой, очень собой довольная. Подходила к концу их вторая неделя в Котону. Теперь она уже не была той перепуганной женщиной средних лет в целомудренном длинном платье и с покрытой головой, которая в ужасе пялилась на голые ноги африканок и шарахалась от гудков за спиной.

Раскошелившись, Таонга приобрела себе платье в дагомейском стиле, зеленое, в синюю клетку, которое больше подчеркивало, чем скрывало её пышные формы, модные сандалии с брошью-застежкой, цепочку на открытую по местной моде шею и ключицы. Поискав, нашла хорошую парикмахерскую и выбрала прическу, которую видела у местных женщин её возраста, – волосы, взбитые в плотные кудри, с нанизанными на них металлическими колечками.

А выйдя из парикмахерской в новом платье, окутанная густым, терпким ароматом местных духов, посмотрела, шурясь, на уличную суматоху в лимонном свете полудня, и рассмеялась. В Марсале, с тех пор как над ней поднялось знамя с восходящим солнцем, она жила двойной жизнью – набожность и скромность требовалось играть, как заученную роль на театральных подмостках. Да, все знали, что это игра, и под целомудренной одеждой скрывается все то же порочное тело, знали, но... делали вид, что приличия соблюдены.

Котону же жил иначе, и, шагая по улице, она упивалась своей женственностью, которую больше не надо было таить, с наслаждением подставляя жаркое тело солнцу и цепким взглядам проходивших мимо мужчин. Как будто последние двадцать лет просто свалились с её плеч, и она впервые ощутила, какую несла тяжесть.

Салаху её перемена не понравилась – он не сказал ничего, но Таонга все видела по тому, как он на неё посмотрел, как дернул щекой, как презрительно сбросил её новое платье с их кровати вечером. И она старалась ему угодить – по-прежнему одеваясь дома в жаркую одежду в стиле Халифата, опуская глаза и пытаясь быть настоящей женщиной из Даулят-аль-Канун. Много лет Таонга играла эту игру – но сейчас она давалась ей очень тяжело. Даже перед ним.

Вот и сейчас, выйдя из дома, она с удивлением поняла, что ей легче и свободнее на улице. Пестрая толпа больше не пугала, потому что она ощутила себя её частью. Представлявшиеся совершенно неразличимыми в первые дни, местные, в действительности, оказались очень разными, и она уже начинала определять на глаз, где кто. Вот это коренные дагомейцы, эти откуда-то с севера, может из Мали или Чада, вот явно беглецы из Халифата с берберскими рожами, а вон та баба, угольно-черная, с оттопыренным задом, с самого юга материка.

Единственное, что портило ей настроение, – это неспособность нормально общаться с людьми, да хотя бы обругать кого-то так, чтобы тот понял. Но и здесь не все было так плохо. Таонга уже осознала, что, как в Котону нет единого облика жителей, так нет и единого языка. Город бурлил и переливался всеми цветами африканской радуги: люди вокруг говорили на французском, чистом и ломаном, на английском и еще на нескольких местных языках, даже названий которых она никогда раньше не слышала. Фразы на иджо из детства мистическим

образом всплывали в памяти, когда кто-то её толкал на людном тротуаре, и она мало волновалась о том, насколько они понятны местным или насколько правильно она их произносит. Французский же, к её радостному удивлению, оказался достаточно похож на итальянский, и она уже без проблем понимала большую часть уличных надписей.

Что ж, а сейчас надо найти то место, где ей пообещали вставить новую карточку в наладонник.

Это оказалось не так сложно. Паутина улиц прибрежного района, угнетавшая в первые дни, как будто внезапно обрела свой смысл и логику. Вывеска просто вдруг вынырнула навстречу за очередным поворотом – как будто сама искала её. Большим плюсом было то, что один из здешних продавцов, сухощавый малийский бербер, немного объяснялся по-арабски.

– Готово, – сказал он ей через десять минут, протягивая оба наладонника. – Ты же знаешь, что все они подключены в сети *Le rayon de miel*⁸?

– Это здесь как Зеркало? – уточнила Таонга, и тот посмотрел на неё недоуменно.

– Это сеть *Le rayon de miel*, – повторил он. – Она связана с порталом «Дагомея», который держит правительство. Ну и с его «слепнями», естественно. Потому всё, что ты пишешь, оказывается у них на облаке. Ну да это везде так. Чтобы жить, надо следить за языком, верно?

Все это звучало как набор слов для Таонги – какая-то «сеть», правительство и его «слепни»... А облако – то здесь при чем? Наверное, это просто местный диалект, который она еще не приучилась разбирать как следует. Это и неудивительно – продавец говорил по-арабски как выходцы из Западной Африки, добавлял то французские, то вообще неведомые слова, а произносил их так, что Таонга напряженно вслушивалась, и все равно временами скорее догадывалась, чем понимала, что тот имеет в виду.

– Но я же смогу выходить в Зеркало... Интернет, – поправила она себя, вспомнив, какое здесь слово используется, – говорить с людьми, смотреть новости?

– Конечно, а зачем еще ты покупаешь карточки? – пожал плечами продавец, и Таонга протянула ему жесткие разноцветные полоски дагомейских франков.

Так у них и оказалась местная связь.

Салах, получив назад свой наладонник с местной картой, погрузился в «зазеркалье», его пальцы танцевали по экрану, на котором вспыхивали то арабские, то латинские значки – и чем больше он читал, тем мрачнее становился.

Он не говорил Таонге, что именно там прочел, а она не решалась расспрашивать, но ей передалось его напряженное настроение. Следующие дни она старалась передвигаться по квартире как можно незаметнее. Разогревала на плите местную еду (почти все было острым), включала печку для неизменного мавританского чая, иногда тайно переписывалась со Стефано, пытаясь узнать какие-то новости хотя бы через него. Но рыбак тоже был неразговорчив и отвечал ей уклончиво.

Помимо мрачного расположения Салаха, её угнетало так же то, что она не могла найти способ нормально общаться с дочерями – коммуникаторы Государства Закона, как тот же привычный ей *маль-амр*, не могли пробиться через невидимую стену, отделявшую этот мир от покинутого. Все, что у них вышло – это отправить несколько слов через банк, через который со зверской комиссией Таонга получила деньги из Марсалы. «У меня все хорошо», – написала Салиха в поле «назначение платежа», и Таонга едва не расплакалась от этих скупых слов.

Это оказалось неожиданным для неё самой – любящей мамой-наседкой она никогда не была. Младшую, Башару, забрали на воспитание родители её отца, и она особо не возражала, видясь с ней последнее время несколько раз в год. Салиха же, которой через месяц должно

⁸ *Le rayon de miel* (фр.) – соты

было исполниться двадцать три, с детства росла себе на уме и смотрела на сторону. Уже в семнадцать лет она начала тайно встречаться с парнем, потом с другим, а в двадцать один они съехались и провели обряд по африканскому обычаю. С тех пор у Салихи была своя жизнь, и она никак не показывала, что нуждается в материнской заботе – если не считать того, что периодически расспрашивала, много ли денег приносит «Аль Мусафир».

И все же... это была её дочь, её плоть и кровь. В день их бегства из Марсалы Таонга набрала её, – и они говорили о том, что делать дальше, как взрослая женщина со взрослой женщиной. Таонга сама набросала документ, дающий Салихе право управлять пансионом, сказала, к кому обратиться и что сказать. В том числе и то, что она отрекается от матери, – если так будет нужно. На прощание Салиха, обычно молчаливо–сдержанная, крепко обняла её, и Таонга остро ощутила, что не одна в этом мире. И вот теперь их разделяют тысячи километров, и ей даже восточку непонятно как передать.

В тот день Салах ушел куда–то после обеда, сказав ей дожидаться его дома – и она, убивая скуку, бродила по страничкам местной сети, с грехом пополам читая по-французски. Даже то, что она поняла, не складывалось в её голове в единую картинку.

Она наткнулась на упоминания зараженной земли к западу от Новой Дагомеи – очередной струп отгремевшей войны, жуткие фотографии полуголых черных мужчин с черепами в руках, видеоролик с тем, что, как она поняла, было местным богослужением.

Сначала листавшая странички от нечего делать, Таонга со временем увлеклась, нажимала то здесь, то там, рассматривая картинки и запуская видеоролики. В комнате звучал то французский, то английский, то йоруба, но она понимала их почти одинаково плохо. Но ей просто нравилось слушать эту речь и ощущать себя в новом мире – мире, так не похожем на все, знакомое ей.

Таонга так увлеклась, что не заметила, как скрипнула входная дверь и в комнату вошел Салах. Уже начинало вечереть.

– Как прошел день? – спросила она, вставая. – Чем ты занимался?

– Искал наших, – ответил Салах, скидывая с ног сандалии. – Хотел поговорить кое–о–чем.

– Поговорил? – спросила Таонга, но он как будто её не услышал.

– Какое же паскудное место этот Котону, – с отвращением сказал он, садясь на диван. – Больше десяти лет здесь не был. Тогда была помойка, и до сих пор осталась помойкой.

Таонга промолчала. Её Котону, наоборот, все более захватывал. Но она не хотела спорить.

– Что тебе рассказывали? – она села рядом с ним, словно надеясь скрасить его мрачное настроение, и вздрогнула от неожиданности, когда Салах опустил руку на её плечо.

– Разное, – сказал он. – О жизни здесь и о том, что слышно... оттуда. Давай выпьем чай?

И они пили чай, а потом ужинали запеченной рыбой и жареными бананами, пили при-торный местный сок из жестяных банок и разговаривали. Не о том, что их окружало – сейчас, казалось, Салах был настроен вспоминать. И он вспоминал: свою долгую жизнь бродяги, Каса-бланку, Агадир, поездку до Бейрута. Людей, который он видел там, и все то, что осталось за спиной.

А вечером они любили друг друга. Обычно скупой как на слова, так и на ласки, в этот раз Салах долго нежил её руками и языком, и Таонга таяла в его руках, а после кричала от счастья.

И ночью, когда Салах уже уснул, она долго лежала рядом с ним, глядя в потолок, и улыбаясь своим мыслям. Не так–то все и плохо в этом Котону вышло, по итогу.

А потом её наладонник издал тихий перезвон. Пришло сообщение. Кому она понадобилась в полдвенадцатого ночи?

Таонгу кольнуло нехорошее предчувствие, она покосилась на Салаха – тот не проснулся. Она потянулась за устройством. Так и есть, пришло сообщение, цифры и кодовый знак из двух латинских букв вместо номера. Тронув экран, она прочла написанные по-итальянски строки:

«Надо поговорить. О том, что мы видели дома. Это может быть важно и для тебя, и для меня. Деньги. Большие люди. Салаху лучше не говори. Замиль».

Глава пятая

Замиль глубоко вдохнула и почувствовала, что по её спине пробежал холодок – хотя солнце все так же полыхало в небе и липкий тропический жар струился по коже. Это должно быть где-то здесь – место, где её ждет Адедайо. Но нужна ли ей эта встреча?

Вопрос, словно тупая головная боль, изводил её последние дни, заставляя ворочаться в кровати, делать ошибки в танце, отравляя, казалось, даже вкус пищи. Что хуже всего, ответа на него не было и быть не могло. Конечно, развернуться и потащиться обратно домой тем же путем по запруженным улицам Фиджросе можно и прямо сейчас. Никто не накажет, но, вернувшись домой, она... ничего не изменит. А это пугало Замиль едва ли не больше всех возможных последствий её встречи с Адедайо.

Прошло почти две недели с её первого вечера в *De Koungbe*, и она уже начала понимать местную жизнь – как и свои перспективы в ней. Фиджросе предсказуемо оказался унылой дырой, хотя её и уверяли, что это еще не худший район в Котону. Но Замиль хватало того, что она видит вокруг. Беднота и удушающая жара, мусор и запах мочи, дешевые харчевни, автомойки, центры по переработки рыбы и металлолома. Пара-тройка увеселительных (скорее, просто значных) мест вроде их ресторана не меняли картину сколько-нибудь существенно.

И её нынешним доходам это место вполне соответствовало. Примерно посчитав, Замиль пришла к выводу, что денег, которые она зарабатывает в *De Koungbe*, хватит на то, чтобы питаться, оплачивать их унылую квартирку и еще чуть-чуть сверху – пару раз в месяц порадовать себя походом в какой-то дешевый ресторанчик или купить недорогое тряпье в душном местном «маркете». Прожить-то можно, но о том ли она мечтала? А ведь другая жизнь – вот она, совсем рядом, сверкает стеклянными башнями в сапфировом небе. Там один божественный коктейль в баре может стоить больше, чем Ятти ей платит в день, там роскошь, там удовольствия, там... свобода. Свобода, которой ей не видать без денег.

И она все чаще поглядывала на листик, где был записан телефон этого странного мужчины. И не просто поглядывала – осторожно, словно невзначай, пробовала расспрашивать о нем у тех, с кем могла говорить. И пусть собеседников, знающих арабский, вокруг было не так много, они оказались вполне разговорчивы.

Адедайо был известен в этой части Фиджросе как священник из церкви Утешения, по крайней мере так Замиль поняла это слово. Уже это заставляло местных магрибцев цедить слова о нем презрительно – не перегибая палку, впрочем, они ведь осознавали, что находились на земле *кяфиров*. Прихожанами этой церкви были многие жители Котону – в особенности, его бедных районов. Про обряды в церкви отзывались глухо и презрительно – «всякая мерзость». Это бы Замиль скорее оттолкнуло, чем заинтересовало, но в разговорах всплыло и другое. «Все священники церкви Утешения – стукачи слепней», – презрительно сплюнул Ятти, – ходят здесь и там, вынюхивают, потом сдают кого нужно кому нужно. Язык при них лучше не распускать, а уж особенно нашему брату».

Иронично, конечно, это «нашему брату» прозвучало – для неё, всю жизнь ненавидевшей новый Халифат, не верящей в Махди дочери датчанина и марокканки. Но она прибыла оттуда, она говорила на их языке – и местные магрибцы торопились её предупредить, как свою.

Предупреждение, впрочем, Замиль истолковала не так, как они от неё ожидали.

Если Адедайо имеет какой-то доступ к власти, да хоть в качестве осведомителя, то значит, у него есть и деньги, ведь одного без другого не бывает. В Мадине Замиль зарабатывала не так плохо, но не знала, на что деньги тратить, а здесь начала мучиться от острых приступов сребролюбия. Адедайо сказал: если что-то будешь знать, можешь подзаработать. И она вновь и вновь вспоминала, как дрожащими руками копировала разговоры на наладоннике разомлев-

шего шейха, как мечтала продать то, что скопировала и получить за это деньги. Как все обернулось. Имело ли это какую-то ценность здесь, в Котону? Ведь тысячи километров отделяли обветшалые блоки Фиджросе от борделей Мадины. Но Адедайо сказал, что собирает любую информацию оттуда – почему бы не попробовать? А вдруг она сможет найти и предложить что-то еще? Надо же в конце концов выбираться к другой жизни!

И тут еще Стефано. Замиль периодически говорила с ним по наладоннику, куда установила местную карту – больше от скуки. И от него узнала, что рыбак следил за новостями из родных краев, как Сицилии, так и Европы. И там что-то происходит.

Она не была уверена, есть ли хоть какая-то связь между выступлениями Ордена Верных в их вилайете, введением чрезвычайного положения, смещением правительства – и, предположительно, биологическим терроризмом в Союзе Обновления, где неизвестные пробовали искусственно распространять какое-то опасное заболевание. Но чутье говорило ей, такая связь вполне может найтись, и вдруг это действительно окажется важным... А все, что важно, – стоит денег.

Размышляя, Замиль сама не заметила, как оказалась перед зданием из красного кирпича – совершенно непривычное для Фиджросе архитектурное решение – с высокими закругленными окнами, роскошной деревянной дверью, над которой переливался позолоченный знак, змея, обвивающая крест. Мгновенная вспышка в памяти – Адедайо подходит к ней, и на его хламиде блестит закладка такой же формы. И Замиль опять почувствовала липкое холодное прикосновение где-то внутри. И здесь новая вера – когда она едва унесла ноги от фанатиков старой. Опять люди, которые играют в какие-то свои игры и смотрят на остальных, как на фишки в нардах. Мало ли ей было этого в прошлом?

Но тут же встряхнула головой и обругала себя трусливой овцой. Здесь нет шейхов. Это просто местная церковь, и даже если её настоятели тайно сотрудничают с правительством – ей-то что? Священнослужители везде трутся около власти, ничего нового. Она не будет лезть глубоко, просто, может быть, чуть подзаработает.

И Замиль, протянув руку, нажала на круглый черный звонок. И вздрогнула, когда пронзительно прокричал петух.

Она ожидала звука шагов, но с другой стороны не донеслось ни единого звука. «Никого нет?», – подумала Замиль, не то с разочарованием, не то с облегчением, и вдруг дверь бесшумно приоткрылась, заставив её попятиться от неожиданности. В дверном проеме появилась чернокожая женщина средних лет, в лилово-зеленом платье с большим вырезом на груди. Её шею, как и шею Адедайо, охватывала золотая цепочка, на которой поблескивал уже знакомый ей символ: крест-и-змея.

Окинув её взглядом, женщина произнесла несколько слов на французском, но Замиль только покачала головой и вымучено улыбнулась.

– У меня встреча с Адедайо, я писала ему через наладонник, – проговорила она по-итальянски, надеясь, что та поймет хоть что-то, как она иногда ухватывала общий смысл сказанного ей по-французски.

Лицо женщины осталось таким же непроницаемым, она еще раз смерила взглядом Замиль, прищурилась, как будто что-то припоминая, потом распахнула дверь, сделав приглашающий жест.

Замиль, невольно сделав глубокий вдох, вошла внутрь.

Она сама не знала, чего ожидала увидеть – никогда раньше не бывала в таких местах. Да что там, она и в мечети-то никогда не бывала, даром что выросла в Халифате – туда женщин вообще неохотно пускали, а когда Замиль нашла своё место в веселом доме, ей и приближаться ко входу стало запрещено. Не то чтобы ей и очень хотелось, впрочем. И вот она стояла в просторном холле молельного дома, охваченная боязливым любопытством.

Широкие окна располагались высоко, так, что она едва бы могла выглянуть через них. Казавшиеся снаружи обыкновенными, они, вероятно содержали некую примесь в составе стекла, ибо льющийся с улицы свет принимал красноватый оттенок и был слегка приглушенным. Из-за этого все помещение окутывал подернутый легким багрянцем полумрак. Замиль задыхнулась, увидев на стене напротив стеклянный витраж, изображавший знакомый символ: дева с прикрытыми волосами прижимала к себе младенца, сверху на обоих лился свет. Она не бывала в церквях, конечно, но знала, на чем строилась религия «старых людей», которую им милостиво позволили сохранить в пределах вилайета Аль-Джазира. Но здесь что-то было не так, что-то настолько очевидное, что Замиль потребовалось пара секунд, чтобы понять. И дева, и младенец у неё на руках были чернокожими, а в стороне от них росло дерево, которое оплетала огромная змея. Витраж дрожал и переливался осколками приглушенного окном света, и Замиль невольно остановилась, разглядывая его, но в следующую секунду почувствовала легкое, но настойчивое касание. Встретившая её женщина успела закрыть за ней дверь и теперь взяла под локоть, явно требуя следовать за ней. И Замиль пошла – к еще одной двери, скрытой в глубине холла. После влажной уличной жары воздух упоительно охлаждал её лицо и голые руки, хотя она не видела климатиков, и не слышала звука их работы.

Женщина, подойдя к двери, нажала на круглую ручку, и дверь бесшумно распахнулась. За ней бежали вверх крутые ступеньки. Замиль сглотнула, когда её провожатая шагнула в проем и двинулась вверх по лестнице, ничуть не сомневаясь, что та последует без вопросов. Куда она попала? И во что ввязывается? Мелькнула нехорошая мысль, что здесь она никто – чужестранка с липовыми документами, без единого знакомого из местных – если не считать самого Адедайо, конечно. С ней могут сделать там все что угодно, и никого, кроме Джайды, такой же чужачки, это не беспокоит.

Она заколебалась перед первой ступенькой, охваченная внезапным иррациональным желанием развернуться и бежать, но чернокожая женщина, уже успевшая подняться на несколько ступенек, повернулась и посмотрела на неё, как мать смотрит на закапризничавшего ребенка. И Замиль двинулась следом, ругая себя за трусость. Ну что с ней могут тут сделать? Убить? Зачем, она никому в Котону еще не перешла дорогу. Изнасиловать? Если и так, велика ли потеря, с её-то прошлым ремеслом.

На лестнице царил полумрак, но через два пролета её провожатая потянула дверь. Замиль шагнула за ней и болезненно сощурилась – они вышли на второй этаж, в помещение, купавшееся в расплавленном золоте дагомейского полудня. Через пару секунд, когда глаза чуть привыкли к новому свету, она подняла взгляд и ахнула.

Лестница вывела их в небольшую круглую комнату, очевидно, угловую. Окна, здесь уже не окрашивающие свет красноватым, шли от пола до потолка, и возникало чувство, что все помещение плывет над землей. Силуэты пальм, двухэтажный склад-магазин напротив, улица, по которой тек привычный поток прохожих, автомобилей и повозок – обычный район Фиджросе со всем его пестрым убожеством. Но здесь, в нескольких метрах над землей, словно был уголок какого-то другого мира. К стене примыкал шкаф с резными ручками, шаги заглушал темно-бордовый ковер, на одном из стекол, словно окно в другой мир, темнело уже знакомое ей изображение чернокожей женщины, поднимавшей такого же чернокожего ребенка. И стол, огромный, из дорогой древесины, поблескивавший темным лаком, за которым, откинувшись на спинку стула, сидел Адедайо в своей широкой хламиде, и смотрел на неё так, словно загодя не верил ни единому слову, которое она могла бы ему сказать.

Её провожатая проговорила что-то на незнакомом языке (теперь это не был французский), Адедайо кивнул, бросил пару слов в ответ, и женщина исчезла, а Замиль так и осталась стоять перед роскошным столом, внезапно остро ощутив себя лишней в присутствии этой темнокожей Мадонны и её такого же темнокожего служителя.

Секунды текли одна за другой, Адедайо все так же рассматривал её, бесцеремонно и испытующе, и первое замешательство начало уступать место раздражению.

– Ис–саламу–алейкум, – сказала Замиль по-арабски, кажется, громче, чем следовало. – Ты говорил, что мы можем поговорить. Я пришла.

Адедайо вдруг улыбнулся – и улыбка совершенно изменила его лицо. Только что он выглядел как офицер полиции, готовящийся расколоть мелкого воришку – и вот уже улыбался ей, как давно не виденному другу, и даже его большие черные глаза вдруг словно залучились дружелюбием.

– Ва–алейкум–ис–салам, – проговорил он в ответ. – Я рад, что ты нашла время поговорить. Правда рад, Замиль. Ну, что же ты стоишь? Бери стул, присаживайся, ты наша гостья.

Еще до того, как до неё дошел смысл сказанного, Замиль поразил голос – низкий, богатый оттенками, мягкий и при этом властный. Вдруг подумалось, что такой человек должен хорошо петь. Теперь он был совсем другим, чем по время их первой встречи. В De Koungbe он выглядел вечерним гулякой, готовым и выпить, и опрокинуть на лежанку женщину – здесь же в каждом его жесте, в модуляциях голоса сквозила властность, глубина, понимание собеседника. Словно хамелеон, он менял поведение под окружающую среду.

Говорил Адедайо с ней, конечно, по-арабски, так, как она запомнила по первой с ним встрече – на странном сочетании сразу нескольких сахарских диалектов и интонаций *фусха*. Звучало непривычно, но она и не такое навострилась понимать в Мадине.

Замиль развернула стоявший возле стола черный стул и села напротив Адедайо, поборов забытое детское желание сложить руки на коленях, как школьница на экзамене. Проклятие, да нет у неё никаких причин робеть перед этим африканцем! Но глубокие черные глаза Адедайо, казалось, гипнотизировали.

– Ты говорил, что, если у меня будет что-то интересное о жизни в Халифате, что-то, что кажется мне важным... я могу написать тебе, и мы встретимся – сказала она.

Адедайо кивнул, все так же улыбаясь ей, потом наклонился куда-то в сторону и вытащил небольшую металлическую банку и невысокий широкий стакан из толстого стекла.

– Я так говорил, – подтвердил он. – Хочешь немного имбирного лимонада? День сегодня жаркий. Как, впрочем, и любой другой день здесь.

– Нет, – машинально ответила Замиль, но при взгляде на запотевшую и, видимо, холодную банку с яркой наклейкой, её рот увлажнился. Она брела до этой церкви чуть не пару километров. – Хорошо, выпью. Давай.

Адедайо пододвинул ей стакан, потом банку, и Замиль почувствовала упоительно жгучий холод. Здесь, в этом маленьком кабинете, словно господствовал особый климат – колкая прохлада воздуха, явно пропущенного через хорошие климатики: мягкое кожаное кресло, повторявшее изгибы её тела, освежающие напитки из портативного холодильника... Еще не роскошь, но уже все признаки того, что Адедайо – или кто там в действительности стоял за этой Церковью Утешения – не имел нужды мелочно экономить, проектируя свой кабинет.

Сделав несколько глотков напитка – острого, пряного, покалывающего язык сочетанием имбиря и цитруса, – Замиль продолжила:

– Я из Мадины. Это вилайет Аль Джазира... в прежние времена называлось Сицилией. Мы бежали оттуда, после того как... скажем так, поссорились с важными людьми. Я могла бы рассказать кое-что из того, что знаю. Но мне интересно, зачем ты это собираешь и... на каких условиях?

Аккуратно выравненные брови Адедайо приподнялись.

– Знаешь ли ты, где находишься сейчас, Замиль? – спросил он её все тем же глубоким, задушевым голосом. – Знаешь ли ты, в чей дом вошла и чей лик изображен надо мной?

Он указал на приклеенное к окну изображение чернокожей Мадонны и осенил себя крестом. Замиль невольно вздрогнула. В Аль Джазире *назрани* разрешили исповедовать религию

предков – даже предписывали, ибо неверие в Бога, *куфр*, было тягчайшим грехом, но любые её символы было запрещено показывать прилюдно. Креститься можно было в церквях, место и расписание работы которых согласовывалось Шура–аль–канун, а также дома.

Конечно, она не в Халифате, но трудно отказаться от привычек всей прошлой жизни. Замиль до сих пор вздрагивала, равно когда видела голые ноги или незакрытый крестик.

– Я знаю про Церковь Утешения, – хрипло ответила она, – но не понимаю, зачем церкви все это нужно? И... готова ли эта церковь заплатить?

Последние слова Замиль вытолкнула из себя с некоторым усилием. Сейчас, когда Адедайо смотрел на неё проникающим, казалось, в само сердце взглядом, а прекрасный лик девы с младенцем словно плыл над его головой, сама мысль о деньгах выглядела неприличной. Она внутренне встряхнулась, пытаясь избавиться от наваждения. Да какое ей дело до местных порядков и того, во что верят эти туземцы! Ей просто нужны деньги.

– Церковь Утешения – это дом для тех, кто потерялся в завертях нашего мира, кто забыл, для чего пришел сюда, кто не понимает, за что Господь посылает человечеству все эти чудовищные испытания – но кто хотел бы это знать. И кто нашел ответ в служении Явившемуся в Наш Мир, Чтобы Спасти, в словах отдавшего жизнь за грехи еще не рожденных. – Голос Адедайо, сначала звучавший мягко и успокаивающе, с каждым новым словом обретал иные, властные ноты, рокотал далеким гневом, невидимым, но грозным, словно буря за линией небосвода. – Ибо кто мы в этом мире без Него? Пыль на ветру, мотыльки, утром рожденные и вечером умирающие. И ты спрашиваешь о том, что нужно Церкви, сестра?

– Я не твоя сестра. – Замиль потребовалась пара секунд, чтобы стряхнуть с себя наваждение, голос Адедайо словно пригвоздил её к стулу, и она вдруг ощутила смутную вину, сама не понимая, за что. – Я пришла сюда потому, что ты сказал, что... что, если я буду знать что-то важное о жизни по ту сторону, я могу рассказать. И... и за это ты можешь заплатить?

– Деньги – не зло, ибо так устроен наш мир, что они нужны человеку. – Адедайо по-прежнему смотрел на неё в упор, но теперь уже без прежней улыбки, и Замиль невольно поежилась. – Деньги не зло, ибо они всего лишь кусочки пластика или металла. Зло же рожают наши души, души, окутанные первозданной тьмой... Ты махдистка?

– Нет. – Замиль ответила резче, чем было нужно, и, кажется Адедайо понравился её ответ. Он сощурился.

– Но ты ведь выросла в Государстве Закона, как обрезанные кичливо называют свое царство лжи и лицемерия. – На лице Адедайо, как облака в ветреный день, сменялись чувства: интерес, недоверие, осуждение, понимание. Замиль не могла понять, что из них искреннее и что наигранное. – Как же так получилось, что тебя не коснулась отрава лже–пророка? Может, тебя воспитывали в старой вере?

– Меня не воспитывали никак, – отрезала Замиль. – Я сирота.

Меньше всего сейчас она была расположена раскрывать душу этому странному человеку и вспоминать проповеди своего безумного отца и покорную ему мать.

– Никто из нас не сирота, ибо есть Небесный Отец – один для всех своих детей и Мариам, благословенно будь имя её. – Адедайо указал на изображение над столом и опять перекрестился. – Но скажи, Замиль, позволь уж буду называть тебя так, раз тебе претит называться моей сестрой, есть ли у тебя друзья здесь, в Котону, может из твоих земляков?

Замиль покачала головой.

– Я давно одна во всем мире... Разве что Джайда – это моя старая знакомая, мы вместе бежали из Халифата.

– Хорошо же. – Адедайо сцепил руки в замок и прекратил улыбаться, его голос утратит рокошующие нотки проповедника и стал спокойным и сосредоточенным. – Ты, стало быть, бежала из Халифата. И говоришь, что знаешь нечто о том, что там сейчас происходит. Давай же об этом и поговорим.

Глава шестая

– Женщины здесь ходят так, что не поймешь, кто *сайида*⁹, а кто шлюха, – жестко усмехнулся Салах, – или же здесь просто нет этой разницы.

Таонга, сидя на постели, смотрела, как он ходит по комнате, в очередной раз чем–то выведенный из себя, и не знала, что сказать. Салах менялся – становился все более мрачным и дерганным, из него было все тяжелее вытянуть слово, пока он сам не решал оглушить её какой–то яростной тирадой. Он словно отдалялся от неё с каждым днем – и это мучило её.

Как и чувство, что она с ним совсем несогласна. Салаха язвил Котону – сам вид этого города, такого далекого от всего, к чему он привык. Странно, ведь он не махдист, и никогда не казался ей истово религиозным.

Ну, а она религиозной и вовсе никогда не была, даже когда играла в правоверную махдистку – и ей Котону нравился все больше. Последние дни Таонга часто вспоминала байку, которую читала в детской книжке, про ослика, изо дня в день таскавшего на спине огромные вязанки дров. Однажды его встретил пони и сочувственно спросил: «Тяжело, наверное, носить такой груз?» – «Какой груз?» – спросил в ответ ослик.

Сейчас Таонга не просто понимала, а чувствовала смысл этой истории. Много лет назад, когда пришло время больших перемен, и за грохотом Великой войны над островом взвились флаги с восходящим солнцем, она приняла новое время. Без всякого восторга: её не трогали яростные проповеди махдистских имамов, которые она едва понимала, как и голос Самого, Избранного Справедливейшим, звучавший тогда из каждого приемника. Скорее заворачивало новое время и те возможности, которые оно ей несло.

Но все оказалось не так, как она рассчитывала. Да, ей удалось подняться в маленьком мирке Марсалы, и совсем неплохо, в её кошельке появились деньги, но... она вдруг поняла, что не может тратить их так, как ей бы хотелось. Потому что новая жизнь, озаренная словом Махди, принесла ей, «истинной дочери Африки», бесчисленное количество ограничений. Нельзя показать локти, ноги выше щиколоток и волосы в присутственном месте, нельзя пить пиво, нельзя есть *'nduja*¹⁰, нельзя ходить на пляж, нельзя очень много из того, что ей нравилось, и в чем она искренне не видела ничего плохого. Но хуже всего было даже не то, чего нельзя, а то, что нужно. Нужно быть если не *сайидой* – тут она и не претендовала – то, по крайней мере, женщиной, чтущей все правила Государства Закона. Смотреть в пол, когда мужчины говорят о важном, разыгрывать скромницу перед кобелями, глупышку перед настоящими дураками, ублажать тех, с кем и в одном поле–то присесть бы было зазорно. Прекратить быть собой – той ерепенистой, острой на язык, пробивной африканской девчонкой, которой она всегда себя помнила. Переломать себя в тот образ, который хотя бы внешне соответствовал женщине нового Халифата. И Таонга жила эту жизнь, потому что понимала: есть правила, не подчиняться которым себе дороже выйдет. И, как тот ослик, даже не замечала груза, который должна была волочить день за днем. Пока не оказалась здесь, в Африке – на своей родной земле. И...

– Мне скоро нужно будет уйти, – оборвал её мысли Салах, – поговорить с... важными людьми. Что у нас из еды?

– Я сейчас посмотрю, что можно быстро приготовить. – Таонга встала с постели и, накинув на плечи покрывало, двинулась в кухню.

Салах ушел. Он часто так уходил последние дни. Таонга не рисковала расспрашивать, хотя по отдельным недомолвкам понимала, что тот общается с местными магрибцами. Огра-

⁹ Сайида (араб.) – добропорядочная женщина, примерный аналог понятия «леди»

¹⁰ *'nduja* (ит. диал.) – острая свиная колбаса, традиционное блюдо Юга Италии

ничения, которые здесь налагались на мусульман, – без разделения на махдистов и «старых», заставляли местную магрибскую общину держаться вместе. Но что Салах так настойчиво там ищет и почему все больше хмурится, когда читает новости не только из Халифата, но даже и из далекой Европы? Это нервировало Таонгу – и, словно без того у неё было мало проблем, опять появилась эта гладкая белая сучка, Замиль. Она раз написала ей, предлагая встретиться, но Таонга ответила, что не хочет (что было чистой правдой). И вот, несколько дней спустя, та появилась опять – с глухими намеками на деньги, которые можно заработать, и то, что теперь им всем нужно держаться вместе.

Таонге хватило прошлой попытки «держаться вместе», и, хотя прежняя ревность уже не точила её так сильно, ей бы все равно не хотелось лишний раз пересекаться. Но... оставшись одна, и с тоской оглядывая их маленькую душную квартирку, Таонга вдруг спросила себя, что будет дальше. Она в далекой стране, без знакомых – если не считать людей, с которыми прибыла, без связей, на которые так привыкла полагаться, без источника доходов. У неё были какие-то деньги, конечно, она не совсем с голым задом сорвалась с места, да и Салиха из Марсалы что-то шлет, но... что она хочет здесь делать?

Что она хочет здесь делать и кто она здесь? Жена Салаха? Нет, просто любовница, и он ни разу даже не намекнул, что хочет сочетаться с ней перед людьми и Всевышним. Да и из тех ли она женщин, на которых женятся? Салаху-то примерно известна её прошлая «добродетельная» жизнь в Марсале.

Но тогда кто? И как надолго? Салиха в своих сообщениях была вполне определена – возвращаться пока рано. Вилайет все еще гудит после смещения старых шейхов, и о ней иногда спрашивают, и едва ли из простого любопытства. Её, конечно, связали с Салахом и Замиль, и объяснять, что она ни при чем, теперь уже слишком поздно. В Аль Джазире могли измениться лица, мелькавшие в правительственных выпусках, но не общие принципы, на которых держалось все. Жизнь человека, у которого нет влиятельных друзей, по-прежнему стоит там очень мало.

Но раз нельзя возвращаться туда, то надо искать себя здесь?

Искать себя здесь. Потому ли она в итоге согласилась поговорить с Замиль? Сейчас, идя по портовой улочке, Таонга пыталась представить, что из этого выйдет. В прошлый раз, когда Замиль и Салах попробовали поиграть с большими людьми по их правилам, они потеряли все, и должны были опрометью бежать – прихватив заодно её и ни о чем не подозревавшего ранее Стефано. И, где-то в глубине души, свербело нехорошее предчувствие, что и эта игра ничем хорошим не кончится. Но не возвращаться же назад, к этой вечной подвешенности, когда с раннего утра, когда она просыпается в одной постели с Салахом и до вечера, когда готовит ему неизменный чай, её терзают вопросы – кто она здесь? И зачем?

Впрочем, тяжелые мысли, с которыми Таонга выходила из дома, быстро развеивались по мере того, как она шла по портовой улочке в ресторанчик, где назначила ей встречу Замиль. Котону, казалось, был несовместим с унылым самокопанием, веселая суэта портового района захватила её уже с первых шагов. Ей приходилось и раньше бывать в больших городах – Мадине, Алжире, Сусе, но Котону был другим, другим во всем. Не привыкшая долго рефлексировать, Таонга затруднялась подобрать правильные слова, но город кипел жизнью – жгучей, перченой, как местные закуски, обжигающей, как полыхавшее в небе тропическое солнце. Оглядываясь по сторонам, Таонга видела, как голые по пояс грузчики, с лоснящимися от пота мускулами, хлопали продавщиц фруктов по крепким задкам, а те только смеялись в ответ, сверкая белыми зубами. Как уличные бездельники цедили дешевое просяное пиво из банок, затаиваясь вонючими сигаретами и сплевывая на землю, как тут же рядом две женщины, чьи арбузные груди едва не вываливались из выреза платьев, яростно вгрызались в мякоть куплен-

ных на лотке апельсинов, а во внутреннем дворике немолодой мужчина с проседью в волосах мочился у столба, не стесняясь того, что проходящие его видят.

В Аль-Джазире сама мысль о том, что можно так жить, ужаснула бы её, но здесь слова осуждения просто не шли на ум. Этот город просто был таким, как он есть – и тут было так же невозможно представить жизнь по правилам запутанной, лицемерной морали, которая окружала её последние четверть века, как и стыдливые *никабы* на местных ядреных красотках.

Впрочем, своя вера у Котону все же была, и Таонга здесь и там видела её следы: то уличный алтарь, где курились испускавшие ядовитый смрад скрученные свечки, то какого-то оборванного бродягу, который отплясывал дикий танец перед толпой зевак, зачем-то держа под мышкой связанного черного петуха, то молельный дом со странным символом – змея, обвинявшая крест.

В свое время Таонга потратила много сил на то, чтобы хотя бы примерно вникнуть в запутанные основы Обновленного Учения, ведь ей нужно было стать своей в новом мире. Но теперь, когда её жизнь сделала переворот на сто восемьдесят градусов, она ощущала растерянность – точно посередине игры все её соперники вдруг начали делать ходы по совершенно новым правилам, и она прекратила понимать, что происходит на доске. А Таонга всегда исходила из того, что правила игры надо знать.

Вот и сейчас, добравшись до ресторанчика *Sous les manguiers*, где Замиль назначила ей встречу, она спросила себе местного пива, острых *акуинси*¹¹ к нему и начала задумчиво прихлебывать напиток, вспоминая все, что слышала о здешних обычаях. Её собственные родители знали, конечно, давние ритуалы иджо, но словно стеснялись их, но по крайней мере пытались быть настоящими христианами, так и не приняв учение Махди. Африканцы же, приезжавшие в Аль Джазиру, привозили собой осколки африканских суеверий, которые, переплетались с Обновленным учением и «крестовой» верой старых людей. Власти относились к «идолопоклонству» враждебно, но Закон «Государства Закона» был дыряв, и то здесь, то там курились дурмящие свечи на алтарях, и такие же дети Африки как она, на гортанных африканских языках обращали свои просьбы к *баба нла* и *ориша*. Раз уж судьба привела её почти домой, то не вспомнить ли и ей то, что клубилось неясными образами где-то на самом краю памяти, то, что она иногда...

Погрузившаяся в свои мысли, Таонга едва не подскочила на стуле, когда кто-то громко заговорил с ней по-итальянски:

— Вот ты где, а я уже испугалась, что не пришла!

Резко обернувшись, она увидела, как Замиль, подошедшая к её столику сзади, не дожидаясь приглашения, разворачивает стул и садится напротив. Таонга улыбнулась про себя, поняв, что и для той не прошли бесследно первые недели пребывания в Котону. В своем лило-зеленом сарафане до колен и сандалиях на босу ногу, Замиль выглядела так, словно никогда в жизни не прятала лицо за платком. Устроившись на стуле, Замиль подняла руку и громко окликнула официанта, потом повернулась к ней.

— Ты удивишься, Таонга, но я рада тебя видеть, – сказала она с лукавой усмешкой, и Таонга чуть поперхнулась улиткой.

— Неожиданно, – просипела она, – а я-то думала, почему моя давняя подруга давно не пишет. Посидели бы, поболтали за стаканчиком просяного пива.

— Не язви. – Замиль продолжала улыбаться. – В жизни по-разному бывает. Во-первых, мы можем с тобой обе говорить по-итальянски. Во-вторых... нам есть о чем вспомнить, да и проблемы у нас, я думаю, похожие.

¹¹ Акуинси – жареные улитки в остром соусе, традиционное бенинское блюдо

Таонга посмотрела на неё с тревожным любопытством. Замиль не изменилась – все так же не любила ходить вокруг да около.

– Ну тогда излагай, – сказала она и сама вдруг ощутила невольное удовольствие от того, что говорит по-итальянски – языке, которые, как ни крути, стал для неё родным. С Салахом они общались только по-арабски, а это так и осталось для неё сложным.

– Что ж, Таонга, ты, думаю, осмотрелась в здешних краях достаточно, чтобы понимать, что здесь, как и у нас, да, как и везде в мире, все упирается в деньги. Это не наш гребанный Халифат, женщине здесь можно многое, но за все надо платить.

Таонга пожала плечами, не зная, как отреагировать на это. Конечно, нужны деньги, этот мир так устроен. Не для того же, чтобы сказать ей это, Замиль её позвала.

– Я думала, как можно заработать и на чем, и, сказать честно, придумывалось немного, но... – Она замолчала, принимая пиво у хмурого официанта, потом ткнула пальцем в тарелку Таонги: – А что это у тебя за закуска?

– Акуинси. Жареные улитки в остром соусе.

– Cazzo, какая гадость! Так вот. – Замиль с явным удовольствием отхлебнула пиво, и продолжила: – Мне нужны деньги. Да и тебе тоже, верно? Есть те, кто их заплатит.

– За что? – насторожилась Таонга.

– За информацию, – коротко ответила Замиль.

Таонга едва подавила желание выругаться, ощущая, как где-то в глубине сознания замерцала тревожная красная лампочка. Беги – или мало тебе уже было? Но вдруг, словно со стороны, услышала собственный голос:

– Какая здесь может быть у нас информация, мы еще и месяца в Котону не пробыли, не знаем никого и ничего...

– Верно, но мы знаем кое-что о той стране, которую покинули. А именно это им и нужно. – Замиль улыбнулась, победной, как ей казалось, улыбкой, но Таонга вдруг поняла: та тоже напряжена и взвинчена, белой стерве тоже страшно, хотя и хорохорится.

– Давай по порядку. Кому – им, с кем ты говорила, что им нужно и сколько готовы заплатить? – Хотя тревога все еще саднила в душе противной занозой, Таонга невольно заговорила деловым тоном – уж что-что, а обсуждать денежные вопросы она умела.

– Ты слышала о «слепнях»? – спросила Замиль. – Это если я правильно перевела местное словечко на итальянский.

– Это же... – Слово будто царапнуло по памяти, неуловимо знакомое, но она никак не могла понять, где и когда его слышала. – Это что-то связанное с полицией?

– Как я поняла, местная тайная служба, типа наших «хорей», – сказала Замиль беззаботно. Слишком беззаботно, чтобы это могло быть искренне. – Они собирают информацию в том числе о Халифате, и держат в поле зрения тех, кто оттуда уехал. И вот тут мы можем немного подзаработать.

Воспоминание всплыло в памяти, как рекламный лист в Зеркале: она покупает карточки для наладонника, и продавец говорит ей «слепни» все равно за вами следят». Тогда она думала, что неправильно поняла его диалект, но нет – она, оказывается, все поняла правильно. Слепни – подходящее название для тайной полиции. Подходящее настолько, что сомнений нет: от тех, кого так прозвали, надо держаться подальше.

– Плохая идея, Замиль. – Таонга машинально отпила пива, но в этот раз почти не ощутила его вкус. – Тебе не хватило прошлого? Зачем связываться с такими людьми? Да и что мы им можем предложить?

– Предложить как раз есть что. – Замиль нехорошо усмехнулась, её деланная беззаботность вдруг погасла, словно кто-то щелкнул переключателем. Она облокотилась локтями о стол и заговорила быстро, понизив голос, как будто кто-то здесь мог понимать итальянский: – Помнишь, что... что было у меня на наладоннике? Я говорила об этом с человеком, он заин-

тересовался, но сказал, что мало. Что нужно узнать больше. Потому что сейчас... сейчас там что-то происходит, и мне кажется, мы тоже были в это впутаны. Я, ты, Салах... Понимаешь?

– Нет, не понимаю, – ответила Таонга. С каждым словом Замиль история нравилась ей все меньше и меньше. Нужны ли ей деньги? Конечно, нужны – уж она-то деньгам цену знает, но такой ценой? Опять пытаться продать опасную информацию? Играть с тайной полицией? В её ушах эхом зазвучали яростные крики погромщиков, она как будто снова ощутила жар, ярость и страх, свой острый мучительный страх.

– Салах *муташаррид*, ну или был муташарридом. – Замиль продолжала говорить вполголоса, сжимая стакан с пивом так, что костяшки побелели. – Когда я встретила его в... ну там, в Мадине, он уже работал с этими людьми, шейхами. Помог им что-то перебросить в Европу. А потом они решили его убить. И это были те же люди, которые организовали *фитна* на Острове. Теперь ты понимаешь?

– Понимаю. – Таонга резко отодвинула от себя свой стакан с пивом. – Понимаю, что от тебя надо держаться подальше. Ты, психованная, уже раз навела на нас беду, из-за тебя мы бежали из Марсалы. И теперь успокоиться не можешь? *Monsieur!* – резко выкрикнула она, поднимая руку, и, когда один из официантов обернулся, провела рукой по воздуху, как будто что-то писала. Тот кивнул, поняв её, и Таонга начала нащупывать кошелек в своей сумочке. «Не слушать, – мелькнуло в её голове, – только не слушать эту сумасшедшую стерву. Расплатиться и уйти».

– А ты, значит, решила успокоиться здесь, да? – Замиль перегнулась через стол и крепко схватила её за запястье. – Таонга, ты же спишь с Салахом. А ты знаешь, во что он впутался? Знаешь, какие слухи идут среди местных магрибцев? О том, кто все это организовал в Аль Джазире и в Европе? А ты все на спокойную жизнь с ним рассчитываешь? Не того ты себе любовничка на старости лет нашла!

– Пусти! – Таонга вырвала руку, подавив желание вlepить Замиль оплеуху. – Что ты от меня хочешь, объясни! Зачем тебе Салах?

– Таонга, слушай же! – Замиль заговорила быстрым полупшепотом: – Я говорила с Салахом и со Стефано недавно, они следят за тем, что происходит у нас и в этих... Беззаконных землях. Я знаю, что Салаха это мучит, он ведь всегда ненавидел махдистов, знаю, что ему хочется кому-то рассказать...

– Да откуда ты знать-то это можешь?

– Я чувствую людей, иногда – просто чувствую. Не ты одна африканская ведьма. Ты можешь уйти от меня сейчас, а от Салаха-то ты тоже так просто уйдешь? И чем ты тогда вообще тут займешься?

Уже доставшая деньги из кошелька, Таонга нервно мяла в руке пластиковые квадратикИ с изображенной на них головой леопарда – франки Новой Дагомеи. Нужны ли ей деньги? Всегда были нужны, тут и не спрашивать можно было, да только не о деньгах она подумала перед тем, как заговорила. Перед глазами у неё вдруг встало лицо Салаха, бородатое, хмурое: вот он листает какие-то сводки новостей на наладоннике, вот нырнул в «коридор» и общается там не пойми с кем, вот возвращается вечером, пропахший дымом от шиши, а ей кажется, что их разделяет стеклянная стена. Его что-то мучит, и он не может ей об этом сказать.

– Ты говорила – слухи, что идут среди местных магрибцев, – неохотно выдавила она. – Откуда ты об этом знаешь?

– Может, ты еще не слышала, но я сейчас работаю в ресторане De Koungbe, там они часто собираются. – Замиль немного успокоилась, словно ощутив, что Таонга раздумала немедленно уходить, откинулась на спинку кресла и снова обхватила свое пиво. – Мне было с кем поговорить по-арабски. И да... твоего Салаха там тоже видели. Правда, со мной он не говорил.

В другое время Таонгу бы порадовало то, что Салах не захотел говорить с Замиль, но сейчас её мысли были заняты другим.

– Ты знаешь, о чем они говорили? Может, потом шли какие-то слухи? – Таонга поймала себя на том, что и сама понизила голос, словно в гомоне залитой солнцем ресторанной веранды кто-то мог ловить обрывки разговора на итальянском. – И что до этого твоим... ну, людям, с которыми ты общалась?

– Они следят за магрибцами тут, а особенно за теми, кто бежал из Государства Закона. – Замиль наклонилась к ней. – И за любую информацию готовы платить наличными. Вот смотри...

Таонга увидела, как блеснули её глаза. Словно у рыбака, который почувствовал поклевку – мелькнуло в голове неприятное сравнение. Замиль достала кошелек, изящное изделие из крокодильей кожи, и наверняка дорогое, расстегнула его и достала несколько купюр. Таонга, уже хорошо различавшая местные деньги, чуть не присвистнула – купюры были крупного номинала.

– Салаху тоже неплохо было бы с ними поговорить, – таинственно улыбаясь, продолжила Замиль. – И для него, и для всех нас. Ты должна понимать, что шпики в этих районах у них хватает, и они уже знают, что среди местных магрибцев появился какой-то мавританец, задающий иногда интересные вопросы.

– Ты сдала его? – сдавленно спросила Таонга, с трудом заставив себя не прицепить к концу фразы «сучка». Может и зря она не ушла сразу же.

– Не сказала им ничего, что могло бы ему повредить, да и мало что, чего бы они сами не знали. – Замиль смотрела в её глаза так искренне и честно, что Таонга практически не сомневалась, что та врет. – Но сказала, что мы знакомы, да. И что я дам возможность поговорить с ним.

– Салах не будет откровенничать с кяфирами, – покачала головой Таонга. – Глупая мысль.

– Не будет, конечно. – Замиль победно усмехнулась, и Таонга поняла – именно к этому та и пыталась подвести весь разговор. – Но этого и не нужно. Есть способ.

Глава седьмая

– Мне это не нравится, да и Стефано тоже не понравится, – Джайда смотрела на Замиль спокойно, но упрямо и даже чуть укоризненно.

Из открытого окна долетал гомон и веяло терпким, телесным ароматом обычного дня в Фиджросе, Джайда сидела на кровати, скрестив ноги, а Замиль, не усидев, вскочила и мерила шагами небольшую комнатку. Она ощущала безумное раздражение, как бывало всегда, когда такой гладкий и стройный в голове план сталкивался с реальностью и не работал.

Джайду она еще с Мадины привыкла воспринимать как спокойного и послушного ребенка, который сделает, что ему скажут. Но все оказалось сложнее, чем ей представлялось. Джайда менялась – давно, но теперь уже не получалось закрывать на это глаза. Их бегство, вся безумная, если разобраться, эпопея, забросившая их на другую сторону мира, не прошла бесследно для ранее мягкой и покорной мальйки. И теперь Замиль с досадой осознала, что перед ней не забитое создание, которым она привыкла воспринимать свою подругу, а человек со вполне сложившимся мнением об окружающем мире и том, чего он от этого мира хочет.

– У Стефано много хлопот сейчас, – продолжала Джайда. – Я заходила поговорить с ним на прошлой неделе. Он почти оформил бумаги, нужные для работы, договорился с помощниками, но чего-то не хватает. Я не очень поняла, чего, но ему сейчас не до нас.

– Но он следит за новостями из... с Острова и Беззаконных Земель? – нетерпеливо спросила Замиль.

– Точно следит, – кивнула Джайда, – хотя со мной долго об этом не говорил. Но... Замиль, зачем тебе это? Мы через такое прошли, потому что впутались в дела больших людей. Хорошо хоть живы остались. И вот здесь сейчас спокойно, у нас есть работа, есть жилье. Зачем ты опять куда-то лезешь? Я не хочу.

Замиль вздохнула. Порой ей казалось, что она жонглирует несколькими шарами сразу, и пытается не уронить ни один. Кое-как уломав Таонгу поговорить с Салахом (хотя бы не передумала), она теперь должна была убеждать Джайду, или же сама говорить со Стефано, в надежде сделать его орудием своего плана. Не говоря уже о Салахе – согласится ли он поговорить с имамом?

Новая роль – роль осведомительницы «слепней», волновала и будоражила Замиль временно. Уж это поинтереснее, чем плясать одни и те же пляски вечер за вечером, пока похотливые мужики пытаются поймать тебя глазами! Да и аванс, который она уже успела потратить, разогревал надежды.

– Вот тебе вперед, сто дагомейских франков, – сказал ей тогда Адедайо, – но ты должна убедить этого Салаха встретиться с имамом. Узнать, есть ли у твоего Стефано какие-то связи с Сицилией и «старыми людьми» там. Но пока главный для нас – Салах. Ну и конечно – слушай разговоры в *De Koungbe*. Арабский ты знаешь, а там у вашего брата из-за местных богомерзких напитков, бывает, развязывается язык. Покажи, что наши деньги не были выброшены на ветер.

Он дал ей аванс – ту же примерно сумму, что она могла заработать за четыре вечера, танцуя в *De Koungbe*. Не то чтобы очень много, если разобраться. Но достаточно, чтобы Замиль ощутила, как где-то, глубоко в сердце, тихо разгорается огонек алчности.

Она вновь отправилась в центр Котону – на следующий день после разговора с Таонгой. Вновь как поездка в другой мир или, по меньшей мере, на другой континент: широкие улицы, на которых не несло мочой, подгнившими фруктами или прогорклым жиром от уличных еда-лен, витрины, где стопками лежали товары. У Замиль разбегались глаза: женские платья, дразняще бесстыдные, стоящие больше, чем её получка за неделю, наладонники и странные аппараты, каких она даже не видела раньше – там цены были такие, что Замиль оставалось только

больно прикусить губу. Рестораны – и теперь она видела разницу между настоящим рестораном, для господ этого мира – и несчастными забегаловками их района. И, что не прекращало её изумлять, так много женщин. Женщин, которые могли бродить по магазинам без мужчин, пить на тенистых террасах ресторанов пряные коктейли, сверкать голыми плечами и коленями, никого и ничего не стесняясь.

Вернувшись в свой Фиджросе, Замиль твердо пообещала себе, что сделает все, чтобы выдоить из Адедайо и людей, на которых он невнятно ссылался, как можно больше денег.

Но решить для себя – это одно, а вот сделать? Сейчас, в пять вечера, Замиль смотрела, как медленно наполняется людьми De Koungbe, и ощущала растерянность, с которой человек обычно смотрит на незнакомый прибор, совершенно не представляя, как им управлять. Убедить Джайду помочь ей не вышло – приходилось рассчитывать только на саму себя.

Она уже знала кое-кого здесь – вскользь, потому что сама старалась не подпускать местных бабников слишком близко, но теперь, выходит, надо пересечь эту границу? Причем только с магрибцами. Как?

Субботним вечером здесь, как она уже успела убедиться, всегда бываетлюдно. Её взгляд скользил по лицам: вот типичные гуляки Фиджросе – двое мужчин сдвигают столики, третий о чем-то болтает с парой африканских красоток. До неё долетали гортанные звуки, местная тарабарщина с отдельными французскими словечками. Эти ей не интересны. Вот два надутых черных мужика в круглых дагомейских шапочках и с золотыми цепями на шее – этих она знала, владельцы какого-то бизнеса в Фиджросе, большие люди по меркам этой дыры. Тоже мимо. Вот... Ага!

Под листьями масличной пальмы, слишком пронзительно-зелеными, чтобы этот цвет был натуральным, размещалась компания из четырех мужчин, одетых в типичные берберские джеллабы с отброшенными назад капюшонами. Они, как и остальные, о чем то переговаривались и пересмеивались, сверкая белыми зубами из-под черных бород. Некоторые лица показались ей смутно знакомыми – они явно тут не в первый раз. С них и начать?

Замиль поднялась и двинулась к их столику, мысленно складывая в голове арабские фразы. В Мадине женщину, первой подошедшую к мужчинам знакомиться, сходу обругали бы шлюхой, но здесь не Мадина, и она уже успела убедиться, что магрибцы быстро перенимают местные обычаи, по крайней мере те из них, которые им по душе.

– Ис-саламу-алейкум, – дружелюбно проговорила Замиль.

Магрибцы подняли головы, услышав её голос, на столе уже курился неизбежный чайничек.

– Мое сердце радуется, когда я вижу земляков в этих стенах. Молю прощения, что осмелилась побеспокоить вас без приглашения, хотела лишь убедиться, что у вас есть все, чего желаете и вы готовы провести приятный вечер в De Koungbe.

Замиль сама слышала, как нескладно звучат её слова, но была твердо намерена разговаривать с этой магрибской компанией и завоевать их доверие.

– Алейкум-ас-салам, красавица, – улыбнулся один из мужчин, пока другие рассматривали её со смесью недоверия и зарождавшегося мужского интереса, – а говорили, что танцовщицы в De Koungbe колючие и никого близко не подпускают.

Мужчина говорил на алжирском диалекте, и Замиль, продолжая улыбаться, вслушивалась в его речь, стараясь ничего не пропустить.

– Ты знаешь её, Брахим? – спросил другой мужчина, рассматривавший Замиль особенно недоверчиво. – Она здесь работает?

– Да это же одна из танцовщиц, которых Ятти нанял на вечернюю программу, – усмехнулся тот, кого называли Брахимом. – Что, заскучала здесь без своих?

– Ты же с Аль-Джазиры, да? – недоверчивого мужчину слова Брахима, кажется, не очень убедили. – Из «старых людей», что ли? Ты не похожа на магрибку.

– Моя мама была марокканка, – улыбнулась ему Замиль, хотя почувствовала кислый привкус во рту, как бывало часто, когда кто-то спрашивал её о родителях. – Я выросла в Мадине, с детства говорила по-арабски. Аллах, в Его неизъяснимой мудрости, забросил меня в эти края, но здесь я все-таки иногда вижу земляков.

– Садись. – Брахим подхватил пустой стул за соседним столиком, и пододвинул ей. – Да не хмурься ты, Фарид! Люди приходят сюда, чтобы веселиться!

Все, в итоге, оказалось проще, чем она думала. Хотя Фарид продолжал хмуриться, недоверчиво рассматривая её из-под кустистых бровей, его друзья оказались более общительными. Просидев с ними четверть часа и выпив стаканчик сладкого берберского чая, она уже знала об этих людях почти все: сколько они в Котону, чем занимаются, как часто общаются с другими магрибцами. Мужчины (за исключением Фариды) улыбались ей и делали недвусмысленные комплименты, но уж что-что, а мужское внимание Замиль принимать умела. Получасом позже в ресторан вошла еще одна группа магрибцев – видимо знакомых с её нынешней компанией – потому что они радостно их приветствовали и уселись по соседству.

Роль, которую она сейчас играла, давалась ей легко: она девушка, выросшая в Халифате, волей судьбы оказалась здесь, но тоскует по землякам, а от местных африканских мужчин её воротит (последнее оказалось несложно изобразить, поскольку это была не ложь). Магрибцы, приходившие в De Koungbe, как она поняла, были настроены поразвлечься, да и ранее бывавшие в заведении давно её приметили.

– Ты общительна сегодня, – усмехнулся ей Ятти, в очередной раз вышедший из своей кухни, – а говорила, что местные мужчины – без шансов.

– Соскучилась по арабской речи. – Замиль улыбнулась в ответ самой искренней и обезоруживающей из своих улыбок, многократно отрепетированной в заведении Зарият. – А черные по-прежнему не интересуют.

– Ну, ты выбрала правильное место. – Ятти обвел рукой веранду, которую уже почти полностью заполнили обычная вечерняя публика. – До танцев всего четверть часа, так что ты...

Замиль так и не узнала, что как тот хотел закончить предложение, потому что со стороны входа послышались какие-то возгласы, и он повернулся туда.

– Ты смотри, кто к нам пришел! – воскликнул он. – Да уж, вечер сегодня удался! Замиль, танцуй хорошо, потому что у тебя соперница.

– Что за... – начала Замиль, но Ятти её уже не слушал: вытирая руки фартуком, он двинулся ко входу, на ходу выкрикивая что-то по-французски.

Замиль тоже двинулась следом, шагнула в сторону, потому что широкая спина Ятти загораживала ей обзор, и недоуменно моргнула. Ей показалось, что в заведение вошел какой-то подросток. Девочка-подросток, если точнее – даже в полумраке Замиль видела, как изгибается юбка, очерчивая крутые бедра.

«Да она совсем юная, – мелькнуло у неё в голове, – и, кажется, её тут все знают. Неужели малолетняя проститутка? Какая мерзость!»

Девочка сделала еще пару шагов вперед и оказалось в свете подвешенной под потолком лампы. Ятти подошел к ней и оживленно заговорил о чем-то по-французски, а Замиль во все глаза смотрела на странное создание. Та, кого она приняла за подростка, действительно была очень невысокого роста – ей по грудь, а ведь Замиль никогда не считала себя высокой. Но в её лице не было ничего подросткового: чернокожее, почти идеально круглое и красивое странной, почти пугающей своей необычностью красотой, оно было лицом взрослой женщины. Короткие курчавые волосы, тонкое золотое колечко в носу, спелая грудь в дерзком разрезе цветастого платья, белые зубы, которыми гостя сверкала, смеясь над каким-то замечанием Ятти. Нет, это

совершенно точно не подросток. «Карлица?» – спрашивала себя Замиль. Она видела карликов еще в Мадине, но они были другими. Во–первых, еще ниже, во–вторых, их черты всегда были немного искривлены. Эта же женщина была прекрасно сложена, просто... миниатюрна.

Между тем она закончила говорить с Ятти и, повернувшись, увидела смотревшую на неё во все глаза Замиль. Ответила ей долгим взглядом и вдруг улыбнулась с хитринкой, но дружелюбно, как старой знакомой. Опешившая Замиль растерянно улыбнулась в ответ, не сразу заметив на шее маленькой женщины золоченую брошь на тонкой цепочке. Что-то смутно знакомое царапнуло её взгляд, и она не сразу услышала оклик Ятти:

– ...готова, Замиль? Джайда уже вышла. Еще чуть–чуть и начинаем вечер!

– Ятти, кто это? – спросила Замиль, невольно понизив голос. Странная женщина между тем нашла себе местечко за столиком и болтала о чем–то с повернувшимися в её сторону посетителями.

– Это Лионель. Она иногда пела у нас раньше по вечерам, может и сегодня споет, если будет в настроении. – Ятти довольно улыбался. – Если так, то вечер точно удался. Народ её любит.

– Она...карлик какой–то? Почему такая низкая? – Замиль косилась в сторону, сама не понимая, почему появление незнакомки её так встревожило.

– Нет, конечно, ты что, карликов не видела? Они же совсем другие. Её родители с юга, из Конго, что ли. Но она выросла в Котону.

– Тогда почему такая странная? – не унималась Замиль.

– Она из пигмеев. Не видела таких никогда?

Увидев недоумевающий взгляд Замиль, Ятти только махнул рукой.

– Это Африка. Тут и не таких можно встретить. Ладно, иди готовься, вот тебе там уже Джайда что-то показывает.

Он направился к кухне, а Замиль побрела в раздевалку, пытаясь понять, что же, кроме роста, привлекло её в Лионель.

И, уже переодеваясь, поняла. Украшение на её груди! Оно изображало обвивавшуюся вокруг креста змею, символ церкви Утешения.

Глава восьмая

Солнечный луч капель расплавленного золота сверкал на плывущем в полуденном небе полумесяце. Мечеть явно была старой. Сейчас, и Таонга хорошо это знала, строили совершенно иначе. Новые веяния, новая мода, новые символы – черный силуэт восходящего солнца над входом – черная вязь цитат Махди. Но это там, в Государстве Закона, а как здесь? Таонга поежилась: она всегда ощущала себя неуютно в местах большого скопления верующих, да и новое учение, при всем старательном изображении новообращенной, не вошло в её кровь. Она повторяла заученные фразы, но смысл их оставался от неё далек.

– Меня не пустят туда, – глухо сказала она, держа Салаха за руку. – В Марсале не пускали. Я слишком...

Она не договорила, не вспомнив нужного слова по-арабски, но Салах кивнул, как будто понял её.

– Здесь иначе, – сказал он, – но ты не должна туда идти. Ты можешь помолиться у входа, ты же сама говорила, имам хочет видеть только меня.

– Если ты хочешь, – сказала она, потупив глаза, – я войду, но лучше... мне кажется, иди один, я подожду у входа.

Сейчас Таонга уже сама не была уверена, что делает все правильно. Она уже была готова выбежать тогда из ресторанчика, где встречалась с Замиль, но в словах, которые белая стерва ей бросила, была наживка. И она её, видать, заглотнула.

Её слова про то, какие слухи идут среди местных магрибцев, с которыми постоянно общался Салах, про новости из Аль Джазир и Европы напомнили ей о том, что последние недели происходит у них дома.

Салах все более мрачнел: то утыкаясь в свой наладонник и общался неизвестно с кем в самоуничтожающихся «коридорах», то распивая чай с гостями – такими же мрачными бородачами, говорящими на гортанном мавританском диалекте. Она несколько раз пробовала откровенно поговорить о том, что его гнетет, что они будут делать здесь дальше – вдвоем, и даже, закрепят ли они как-то свои отношения... но он отмалчивался. Даже его любовь на их смятой, душной постели стала короткой и яростной, хотя все еще доставляла ей острое, почти болезненное наслаждение, какого она давно не испытывала ни с одним мужчиной.

И вот Замиль предложила привести Салаха поговорить с этим имамом.

– Я же знаю Салаха, – самоуверенно заявила та, и её слова опять отозвались в сердце Таонги острым уколом ревности. – Знаю, что он ненавидит махдистов, и что он был чужой среди своих там, на Острове. Он хочет поговорить с кем-то, кто бы его понимал – его потери, его сомнения, то, что он сделал там, в Аль Джазире. И здесь есть такой человек. Это имам Си Ибрагим из мечети на границе с районом Гангбе. Он проповедует для местных мусульман. Он не махдист, держится старой веры, я уж не знаю какого точно вида, не разбираюсь. Но многие местные магрибцы его слушают и ходят на проповеди. Я думаю, Салаху стоило бы поговорить с ним.

– А тебе-то что до этого? – Таонга не сдержалась, слишком уж интимно говорила эта сучка о Салахе, как будто знала его, как собственного мужа. – Ты говорила о «слепнях». Они с этим связаны?

– С ними связана я. – Замиль улыбнулась, показав прекрасные зубы. – Но я хочу, чтобы Салах поговорил с имамом, может, и с другими людьми в мечети, а ты передашь мне их разговор.

– Зачем бы я стала это делать?

– Ради нашего спокойствия. – Замиль сверлила её глубокими зелеными глазами, словно пыталась заглянуть в душу. – Ради того, чтобы мы рассчитались с говнюками, которые заставили нас бежать с Острова. И ради денег, конечно.

Таонгу это все не очень убеждало – в спокойствии, обеспеченном Замиль, она очень сомневалась, а месть казалась ей каким-то далеким абстрактным понятием. Но она вдруг подумала, что не изменится ничего – Салах будет все так же мрачнеть под грузом не то вины, не то воспоминаний, мрачнеть и отдаляться, а её будет мучить чувство подвешенности и неуверенности в том, кто она здесь, зачем, где и с кем будет завтра. Будет ли хуже оттого, что Салах все-таки поговорит с этим имамом? Наверное, нет.

– Я попробую его убедить, – сказала она, и Замиль коротко кивнула, словно скрепляя сделку. И тогда Таонга, не удержавшись, спросила: – Я все сделаю, но все же... скажи мне кое-что, что я давно хотела спросить?

– Что же? – подняла брови Замиль.

– Ты... спала с Салахом? – Последние слова дались ей трудно, хотя Таонга никогда не находила интимные темы сложными для обсуждения.

По лицу Замиль словно пробежала тень, и её глаза чуть сузились.

– Нет, если для тебя это важно, – сказала она.

Таонга искренне понадеялась, что у неё на лице не отразилась вся радость, которую вызвал этот ответ.

Но Замиль вдруг мстительно улыбнулась и сказала:

– А вот Джайда спала.

Салах зашел в мечеть один, а она осталась ждать рядом. «Здесь есть специальное место, где женщины могут помолиться», – сказал он ей. Она кивнула, но даже не подумала туда идти. Таонга не решалась признаться ему в этом, но здесь, за границами нового Халифата, весь её пыл новообращенной махдистки, который она так тщательно разыгрывала в Марсале перед новыми хозяевами жизни, угас, как догоревшая спичка. Это просто казалось неуместным в веселом круговороте Котону, и она ощущала, что та игра завершена. Говорят, здесь были совсем другие верования, с темными обрядами, вызовами покойником и обращением к страшным духам из горячих африканских джунглях, и Таонга думала, что эта вера подошла бы ей сейчас больше. Но Салаху о таком знать не надо...

Солнце припекало, и Таонга, оглядевшись по сторонам, увидела на углу закусочную: столики под навесами и дверь на закрытую веранду. «Подожду Салаха там», – решила она. Вход мечети прекрасно оттуда просматривался, а освежиться вдруг очень захотелось.

Когда она опустилась за столик, с облегчением нырнув в тень, дверь открылась и вышла женщина примерно её лет, естественно, чернокожая, сходу улыбнулась и сказала что-то по-французски. Улыбнувшись в ответ Таонга только покачала головой и произнесла *café glace*¹². Уж эти слова она давно запомнила. Если честно, она бы охотнее выпила пива, но Салах придет в ярость, если после предполагаемого посещения молитвенного места от неё будет пахнуть хмельным. Официантка (или владелица закусочной? В таких местах не сразу и поймешь) кивнула ей, исчезла в дверях и через пару минут показалась с чашкой напитка, популярного на бедных окраинах Котону – смесью дешевого кофе со льдом и цитрусовыми соками. Таонга успела полюбить это *café glace*, как его называли тут – вроде совсем просто, но бодрит и прохлаждает.

Поставив чашку перед Таонгой, она улыбнулась и произнесла несколько слов по-французски.

¹² Буквальный перевод – «ледяной кофе»

– *Je ne comprends pas*¹³, – неуверенно произнесла Таонга уже выученную фразу.

Женщина, напротив, сначала нахмурилась, потом бросила быстрый взгляд на её одежду, и спросила:

– *Араби?*

– Да-да, я говорю по-арабски, – обрадовалась Таонга и отпила глоток горьковато-пряного напитка. – Вы тоже?

– Да, неплохо. – Женщина снова улыбнулась ей, дружелюбно и приветливо. – А вы, наверное, ждете мужчину из мечети?

– Откуда вы знаете? – Таонга напряглась и невольно посмотрела по сторонам. За соседним столиком плотный мужчина деловито разделял рыбу, больше людей не было. Видать, здесь немного клиентов в разгар рабочего дня.

– Так вы не первая. Эти, – тут официантка, если это была официантка, неопределенно качнула головой, – обычно не пускают женщин в мечеть, уж не знаю, чего боятся. Бывает, мужчины заходят поговорить с имамом или помолиться, а жены ждут здесь.

Женщина говорила так, что понимать её было нелегко – с ошибками в построении фраз, произнося слова на манер какого-то бедуинского диалекта, но выглядела дружелюбной и словоохотливой, и Таонга ощутила, как её вскипевшая было пеной подозрительность оседает.

– Я нигерийка, но мой муж магрибец, – сказала она, даже не запнувшись на слове «муж». – Мы прибыли из Халифата и здесь еще мало кого знаем. Он пошел спросить совета у имама, а я вот жду тут.

– Понимаю, случается. – Женщина задумалась, как будто мысленно подбирая правильные слова. – Здесь бывают разные люди, у всех своя история. Кстати, меня зовут Клодетт.

– А меня – Таонга, – улыбнулась Таонга ей в ответ.

Так они и познакомились. Клодетт оказалась одной из двух собственниц этого небольшого кафе, ввиду скромности бюджета еще официанткой и бариста, и видимо, действительно, скучала в мертвое время дня. Таонга, сразу ощутившая к ней инстинктивное расположение, охотно болтала с ней по-арабски.

К тому моменту, как она допила свой кофе со льдом (а Салах так и не вышел из мечети), уже успела узнать, что женщина эта принадлежит к народности фон, вдова с тремя детьми, говорит на четырех языках и держит эту кафешку тут уже восемь лет на пару с сестрой. Сама же поделилась с ней парой историй о жизни чернокожей в Халифате, зачем-то упомянув и «больших людей», из-за которых ей пришлось бежать. Клодетт сочувственно кивала, и Таонга вдруг ощутила, как же ей не хватало такого разговора все эти недели. Без друзей, без знакомых, не зная местных языков, она очень стосковалась по простой болтовне и привычным ей по Марсале сплетням.

– Мне надо идти, – вдруг поднялась Клодетт, – вон Марине машет рукой, злится, что прохлаждаюсь. Но давай я тебе дам мой номер, вдруг пригодится. Заходи еще, люблю поболтать с хорошими людьми.

– ...и он сказал, что постоянно говорит с людьми оттуда, – Салах качнул головой, словно указывая куда-то за горизонт, – из Государства Закона. Из Шингетти и даже из Тиджикжи.

Таонга с горечью ощутила, как хорошее настроение, в котором она осталась после разговора с Клодетт, сдувается проколотым мячиком.

– Салах, – робко начала она, прокашлялась, хотя ей не нужно было прочищать горло, – могу я тебя спросить...

– Да? – откликнулся он, все так же глядя перед собой.

¹³ *Je ne comprends pas* (фр.) – я не понимаю

Они шли сейчас по приморской улочке, куда вышли оба, не сговариваясь. За полоской пальм желтела кромка пляжа, коробки прибрежных кафе, в просветах моря между стволами – силуэты рыбацких судов. Салах больше не держал её за руку – он вообще так делал нечасто, и Таонга не решалась взяться за ладонь первой.

– Зачем тебе все это? Ты сейчас здесь, в Котону, здесь все совсем другое. Почему ты... никак не забудешь то, что было в прошлом? Почему мы не начнем заново?

Таонга сама не заметила, как в последнем предложении поменяла «ты» на «мы», Салах же только дернул заросшей черной щетиной щекой.

– Потому что от себя не убежишь, – глухо сказал он, – и от Того, кто будет судить нашу душу. Давай я тебе кое-что расскажу.

Таонга насторожилась. Кажется, приближается редкий момент откровенности, когда она сможет немного заглянуть в душу человека, в которого, и она уже не скрывала это от себя самой, безнадежно влюбилась.

– Ты ведь знаешь, чем я занимался в Аль-Джазире, да и не только там, – размеренно начал Салах, – был *муташарридом*. Таскал всякое непотребство из Беззаконных земель. Переправлял людей туда и оттуда.

Он замолчал на несколько секунд, но Таонга обратилась в слух, боясь даже дышать.

– Однажды на меня вышли большие люди и предложили хорошие деньги. Слишком хорошие – надо было понять уже тогда, и потеряться сразу. Но воистину, Аллах карает алчных. Мы согласились – и я, и Абдул. А потом уже было поздно разворачиваться. Думаю, с того все и началось.

Он покосился на неё.

– Это было что-то запретное? – напряженно спросила Таонга, и он усмехнулся.

– Все, что приходит оттуда – запретное, иначе мы бы не были муташарридами. Но, в этот раз речь шла не о том, что мы доставили оттуда, а о том, что передали туда. А я знаю, что они и взяли что-то – запечатанные цилиндры – и передали сами. Сели на тот китайский корабль.

Салах снова замолчал, словно вся сцена вновь проносилась у него перед глазами.

– Я чувствовал, что мы ввязались во что-то плохое. Эти люди слишком походили на тех бесноватых, из Ордена Верных. А потом появилась Замиль...

Слушавшая во все уши Таонга вздрогнула от неожиданности, услышав это имя.

– Она-то здесь при чем?

– А ты все еще не поняла? Как, по-твоему, началась эта проклятая свистопляска? Один из шейхов пришел в *байт-да'ара*, и там выбрал Замиль. После удовольствия отрубился. А она, не будь душой, залезла в его наладонник, и посмотрела, что в переписке. А там...

И он замолчал, на этот раз надолго.

– Так что там? – не вытерпела Таонга, и он повернулся, впервые посмотрев ей в глаза.

– Много всего, в основном отрывками, но, если коротко, – все это действительно было спланировано. *Фитна*, беспорядки на Острове, убийство дервиша, наверное, и взрыв в Марсале, когда ранили Ситифана. Это готовили бородатые уроды из Ордена Верных и пара больших – ну для нашего вилайета – людей наверху. И не только это. Они бредили Газаватом, новой войной. И то, что сейчас происходит в Беззаконных землях, связано, хотя не до конца понимаю, как. В скопированной Замиль переписке было не все. Но за этим те же люди. Они, наверное, сыпали какую-то дрянь в воду неверным, или в еду, или еще что. И взвинчивали народ на Острове, натравливая его на назрани. Да и не только на Острове – ты же помнишь, что было в Сусе? Сама же едва не погибла.

– Зачем? – только и смогла спросить Таонга, чувствуя, как от слов Салаха в её желудке словно заворочался холодный осьминог. Она знала, конечно, что Салах где-то перешел дорогу большим людям, но, чтобы это было прямо связано с беспорядками на Острове и такими планами...

– Им нужна война, – сухо ответил Салах. – Новая война. Новый Газават. Вот и приближают её как могут.

Глава девятая

За ней гнались по длинному узкому переходу, а она сжимала украденного ребенка, которого хотела продать на черном рынке. Она бы заработала много денег, но все раскрылось, и толстая Зарият кричала ей, что она достойна смерти, длинное платье сковывало бег, и мотор в машине не заводился, и...

Замиль лежала в постели, глядя в потолок ошеломленно, но с огромным облегчением, как человек, пробудившийся после очень реалистичного неприятного сна. В ванной шумел душ: Джайда поднялась раньше неё. Из открытого окна, затянутого противомоскитной сеткой, доносился глухой гомон голосов – там начинался еще один шумный и суетливый африканский день. Ей предстоит выйти в сутолоку Фиджросе, в очередной раз, в своем новом качестве – осведомителя секретной службы.

Яркие сны донимали её уже не первую ночь – не кошмары, но болезненно реалистичные, где она то бежала и пряталась, то говорила с самыми неожиданными людьми из своего прошлого. Замиль никогда не была суеверной, но невольно пыталась найти в причудливых сновидениях какие-то отсылки к своей жизни, еще полгода назад такой размеренно-предсказуемой, а сейчас мчащейся вперед, как ужаленная слепнем под хвост кобыла.

И, кстати, о «слепнях». Теперь они, получается, её новые работодатели. Быстро же она вписалась в этот новый мир. Замиль встречалась с Адедайо еще дважды, не говоря о постоянной переписке через наладонник. Теперь «слепней» интересовало, каким образом местные мусульмане получают новости из Государства Закона, и нет ли тайных дорог через границу, до которой от Котону было чуть больше двухсот километров.

Замиль старалась как могла – игра не претила ей, наоборот, бодрила, словно глоток крепкого кофе. По вечерам она общалась с магрибцами, прекрасно понимая, что это за народ – такие могут презирать «шлюх» на словах, но жадно лапают её глазами и готовы прижать к стене прямо за поворотом.

Она быстро стала популярной среди гостей *De Koungbe*, говоривших по-арабски. После танцевальной программы её звали за свои столики, заказывали выпивку и закуску – и явно намекали на возможность продолжения. Замиль отчаянно старалась балансировать на грани приятной собеседницы за ужином и доступной девушки, чье платье задерут при первом удобном случае, мало интересуясь её желанием. При этом она прекрасно осознавала, насколько размыта эта грань в глазах мужчин из Халифата. Долго ли так еще получится?

Но все было не зря. Языки магрибцев, разогретых танцевальной программой и запрещенным правоверным напитками – которые, тем не менее, официантки едва успевали менять на их столах, – развязывались. Замиль собирала отрывки разговоров – про тайные пути из Даулят-аль-Канун через «единодушные государства», про закрытые собрания махдистов в округе – и крепче местного пальмового вина её пьянило ощущение власти. Они ведь даже не понимают, кто перед ними, – считая себя такими сильными, а её такой слабой, пригодной лишь для срамных танцев, не стесняются выбалтывать секреты. Это и есть настоящая жизнь – за которую вдобавок платят!

Ночной кошмар мыльной пеной оседал в голове. Сон – это просто сон, и нечего тут долго думать. Пора вставать и окунаться в новый день своей шпионской жизни.

И Замиль резким движением отбросила тонкое одеяло.

Адедайо опять хотел видеть ее: появилось что-то, что он опасался доверять наладоннику. Шагая знакомой дорогой по шумной улице, Замиль думала, как странно все же обернулась её жизнь, и как чудно вывернут здесь знакомый ей мир.

Она никогда не верила ни во что – просто не получалось. Обновленное Учение Махди еще с детства намертво срослось в её сознании с отцом, одурманенным сластолюбивым безумцем, с покорной ему матерью, с ханжеством и двойной моралью, которые она видела везде – и на улице, и в интернате. Про *байт-да'ара*, где она, в итоге, оказалась, и говорить нечего. Черные перстни, знак преданности новой вере, стыдливо снимались с мизинцев перед домом блуда, распаленные запрещенными зельями и похотью торгаши представляли перед его обительницами, в том числе и самой Замиль, во всем уродстве своей наготы. Уж чего она не наслушалась тогда про темную сторону жизни Острова – и про пороки тех, кто им владеет.

Еще меньше её привлекала церковь «старых людей» – униженная и покоренная, которая существовала лишь постольку, поскольку сам Махди с пренебрежительным великодушием согласился её терпеть на этой земле. И если махдисты вызывали у неё глухую ненависть, то люди, все еще носившие под рубашками крестики, но так, чтобы те даже случайно не выскользнули наружу, являя глаз новых хозяев жизни, – только жалость. Много же им помог их распятый Бог!

Но здесь, в Котону, все было сложно и запутанно. Она уже поняла, что за сердца людей, а также их кошельки и благорасположение властей, – одно без другого не бывает – соперничают разные душехваты. Судя по молельным домам, на которых змея обвивала крест, Церковь Утешения была одной из самых богатых, но и соперников у неё хватало. Например, в портовом районе Гангбе высился богатый католический собор – его кресты сияли в рассветном солнце и никого здесь не волновало, что они могут быть выше минарета. А некоторые из посетителей De Koungbe, как она знала, жгли на алтарях вонючие свечи, резали головы петухам и занимались страшно представить какими мерзостями, ища помощи темных африканских духов. Что интересно, запугать они смогли даже местных мусульман: её новые знакомые из магрибцев иногда рассказывали страшные истории, как очередной несчастный, проклятый местным знахарем, вдруг начал сохнуть или гнить, и никакой лекарь не мог ему помочь. Правда, лично таких людей никто не знал, но знакомые знакомых точно видели это своими глазами.

А уж разговоры о мусульманах и вовсе забавляли Замиль. Здесь, в Новой Дагомее, жило сколько-то «правоверных» – и жили они примерно так, как «старые люди» на Острове. Проповедовать Обновленное Учение запрещалось, и редкие мечети являлись не более чем способом для отслеживания и контроля над всей общиной. Адедайо не сказал ей прямо, что имам, к которому он так настойчиво советовал направить Салаха, был стукачем «слепней», но ведь и Замиль не вчера родилась.

Они, конечно, этим недовольны – даже те, кто пьет вечерами запретные напитки в ресторанах, наслаждаясь свободой этой земли. Среди местных магрибцев и мавританцев хватает таких, кто тайно слушает махдистских проповедников, научившись обходить блокировку, входит в Зеркало Халифата и листает запрещенные страницы. Граница между Новой Дагомеей и союзными Халифату африканскими державами тоже оказывается проницаемой – и в обе стороны движутся деньги, люди, крамольные мысли. А потому «слепни» не спят, преследуя несогласных, совсем как давшие им имя надоедливые насекомые – скотину. Ведь...

Замиль сидела напротив Адедайо в его уже почти не пугавшем её кабинете, и щурилась от сиявшего за окошком солнца. Проклятье, да здесь вообще бывают облачные дни?

– ...вот видишь, а ты не хотела идти к нам. – Адедайо смотрел на неё своим отеческим взглядом, хотя Замиль уже успела осознать, насколько хорошо этот человек владеет и мимикой, и голосом, легко принимая вид то простого африканца среди гуляк в De Koungbe, то строгого проповедника, то любящего отца. – А ведь ты делаешь хорошее дело, и жизнь на нашей благословенной земле становится спокойнее. Благодаря таким, как ты, мы знаем, что в головах

у *обрезанных*¹⁴, и как не пустить отраву дальше. А значит, черная Мадонна рада, ибо больше людей спасут свои души в Церкви Утешения и возликуют душой.

– Пусть ликуют. – Замиль пожала плечами, – Я же ликую, когда вижу, что в моем кошельке туго, и значит, я не навеки обречена плясать для потных мужиков по вечерам.

– Деньги не зло. Раз они существуют в нашем мире, то Господь этого хочет. – Адедайо смотрел на неё со все той же отеческой улыбкой, но Замиль показалось, что уголки его рта неприязненно дрогнули от её слов. – Но голые мы пришли в этот мир, голые из него и уйдем. Никто из нас не заберет на тот свет ни франка. И вообще ничего, кроме своей души. Думала ли ты об этом, Замиль?

– Я приду на твою проповедь, когда захочу услышать проповедь. – Она выбирала сухой, деловитый и немного циничный тон в общении с Адедайо, может потому, что нуждалась в каком-то противовесе всему тому, что окружало её в церкви. Слишком проникновенно смотрела со стены черная Мадонна, слишком чистым и возвышенным казалось здесь все – таким, что, если задуматься о своей жизни, станет больно. – Ты писал мне, что хотел сказать что-то важное, о чем нельзя поговорить через наладонник. Ну так я здесь.

– Мы смотрели на тебя, Замиль. – Отеческий тон разом пропал из голоса Адедайо, он откинулся назад в кресле и заговорил как начальник, разъясняящийся вытянувшимся перед ним подчиненному следующую задачу. – Ты справляешься неплохо. Можно попробовать что-то посложнее. И за другие деньги.

Замиль напряглась. Неужели это то, чего она ожидала? Задание, где она сорвет хороший куш, вместо этих подачек.

– Объясни, – коротко попросила она.

И сейчас, когда вечер уже мазнул небо густо-синим, над De Koungbe горели фонари и плыл знакомый разноязыкий гул голосов, слова Адедайо звучали у неё в голове эхом. Он передал «серьезным людям» (так он их назвал) её слова и историю бегства из Государства Закона. Они заинтересовались. Им нужны её услуги, на этот раз для чего-то большего, чем просто передавать болтовню подвыпивших мужиков. По крайней мере, так говорил Адедайо, и с чего бы ему не верить? «Это другое задание и другие деньги», – сказал он ей на прощание, и она поворачивала его слова в голове так и этак. Приятнее, конечно, звучала последняя часть, но...

«Они используют тебя и выбросят, – звучал в её голове тоненький голосок, – большим людям нельзя доверять, Замиль, неужели тебе было мало?» Голосок этот подозрительно напоминал голос Джайды, и она поймала себя на том, что избегает смотреть прямо в глаза малийке. Джайда не одобряла её занятий, хотя и знала-то о них совсем немного. После пары разговоров с ней Замиль замкнулась, отчасти опасаясь болтливости подруги, отчасти потому, что видела: уломать ту на помощь ей еще раз так просто не получится. Джайда стала жестче, она не спорила с Замиль, но резко отстранялась, когда речь заходила о сотрудничестве с полицией, или о том, чтобы помогать людям в этом. Она приходила в De Koungbe, отработывала танцевальную программу и почти сразу же уходила, не дожидаясь теперь её.

Вот и сейчас, Замиль, сновавшая между баром и столиками своих новых магрибских друзей, улыбающаяся и бросающая фразы на арабском, опять была одна. Джайда разминалась перед танцем в небольшой каморке за сценой, и духота не мешала ей.

– Что-то твоя черная подружка опять неразговорчива, – в такт её мыслям выкрикнул Джамиль, круглолицый мавританец с гладко выбритым лицом, который вечно щерил зубы в довольной улыбке. – Позови её, что ли, к нам, на одном же языке говорим?

¹⁴ То есть, мусульман

– Дай ей время. – Замиль ловко подхватила пустой стакан, отодвинула его и присела рядом. – Я тоже долго присматривалась, думала, тут одни похотливые черные обезьяны собираются. Скоро и она тут появится.

– ...новые люди появились, вроде откуда-то с севера, с Чада. Документы как обычно, выправлены в подвале, – продолжал рассказывать Фариду высокий худой бербер, чье имя она никак не могла запомнить, а тот, как обычно, хмурился и пощипывал черную бородку.

Частая тема разговоров, всплывавшая среди местных мусульман – связи с Государством Закона, способы проникнуть в Новую Дагомею если не законным путем, по морю, как это сделала она, то через проницаемую границу на севере. Такие вещи тоже интересовали её новых нанимателей, и Замиль, продолжая слушать болтовню Джамиля, наострила уши. Может, конечно, быть, что она такое уже слышала, но внимательность не повредит.

– Их расселили в районе Гангбе, – вмешался в разговор другой мужчина, – там есть имам, который помогает нашим.

– Так помогает, что потом обыски. А люди, читавшие новости из Халифата, исчезают? – резко бросил Фарид, и заговорило сразу два или три человека одновременно.

Все, как обычно, и Замиль отказалась от мысли вмешиваться в разговор. Местная немногочисленная магрибская община жила под плотным наблюдением дагомейской полиции, и, конечно, люди догадывались об этом. Адедайо тоже особо не скрывал, что она не одна приносит ему весточки на хвостике.

Замиль уже хотела встать, и тоже пойти размяться перед танцевальной программой, как вдруг услышала сзади оживленные голоса и с неприятным предчувствием обернулась. Так и есть – Лионель, черная карлица, снова появилась на входе. И Замиль внутренне ощерилась, как кошка при виде соперницы.

Она сама не могла себе объяснить, почему так реагирует на эту странную женщину, такую популярную здесь, в De Koungebe, хотя больше среди черных, чем среди магрибцев. Та приходила как к себе домой, и посетители угощали её лучшими лакомствами, уговаривая спеть. Правда, согласилась Лионель только однажды. Голос её звучал, действительно, волнующе: то высоко, то низко, то с легкой, царапающей по нервам хрипотцой. Замиль уже успела убедиться, что невысокие люди из глубин материка изредка встречаются в Котону и чаще всего развлекают других либо песнями, либо танцами, либо своим телом. Но если Лионель делала что-то из этого, или все сразу – ей-то что за дело? Замиль смущал не род занятий низкорослой певицы, а то, что она вела себя так, будто знает её. То улыбалась ей, то походя бросала фразу-другую на каком-то африканском языке, и Замиль постоянно напрягалась, безотчетно ощущая опасность.

Впрочем, сейчас не оставалось времени ковыряться в своих ощущениях – уже загорелись желтые и зеленые фонари над их крошечной сценой, развлекательная программа должна была начаться вот-вот. И Замиль заторопилась в комнатку для переодевания.

Лионель вышла на сцену и в этот раз – когда Ятти объявил перерыв в их танцевальной программе, и затянула какой-то хриплый, прерывисто ритмичный африканский мотив. Потом Замиль с Джайдой танцевали снова и, когда танец был закончен, она решила, что не будет сегодня оставаться на обычные разговоры с местными магрибцами. Слова Адедайо по-прежнему звучали эхом в голове, вытеснив даже мысли о пигмейской певице. «Есть возможность заработать получше, чем в нашей дыре, – сказал он, – но для этого надо будет рискнуть. Они хотят говорить с тобой лично. Придется кое-куда поехать». Адедайо выделил местоимение *они*, так словно Замиль по одной интонации должна была все понять.

Не требовалось особой проницательности, чтобы догадаться: вышестоящие начальники заинтересовались тем, что она унесла с собой при бегстве из Мадины. Если, конечно, Адедайо не врет, но какой смысл ему обманывать? А раз так, то... неужели это шанс? Заработать

не те подачки, что она получает за болтовню с местными, а действительно хорошие деньги? Вырваться из душного Фиджросе?

И она ощущала, как при одной мысли об этом что-то томительно замирает в груди – от страха или предчувствия успеха.

Джайда ушла раньше, но Замиль решила остаться и выпить бокал пива, чтобы расслабить нервы. Джамиль махнул ей рукой, и она привычно пошла к сдвинутым столикам. В конце концов, пока её задача слушать, так что хуже не будет, да и скучно пить пиво в одиночестве. Кроме того, может, опять кто-то поднимет тот разговор о северной границе и людей, которые проникают через неё из Халифата. Но нет, большая, чуть не в двадцать человек, компания местных магрибцев распалась на маленькие группки, многие из них уже были под хмельком. Слушая болтовню Джамиле и еще одного присоединившегося к ним мавританца, чье имя она не запомнила, Замиль быстро осознала, что ничего интересного сегодня не будет, и думала о своем. О дне, когда у неё будет достаточно денег, чтобы свалить, наконец, из этой дыры. О дне, когда она купит себе дорогое платье, совсем как видела тогда на той девушке на Пляс д'Этуаль, когда зайдет в дорогой ресторан на последнем этаже башни Le Dent de Requin, когда, возможно, купит себе и машину... Даже задумалась, а где тогда будет Джайда – жаль будет расставаться с ней, совсем без подруг одиноко.

Улучив момент, когда разговорчивый Джамиль отправился в туалет, Замиль оставила пустой бокал и поднялась. Стемнело, разноцветные фонари горели над верандой, как глаза африканских зверей в густой чаще, разноязыкие голоса смешивались с постукивающим ритмом медленного звука¹⁵, доносившимся из колонок.

И вдруг Замиль осознала, что карман на её поясной сумке открыт. Сердце замерло, и она нервно сунула руку внутрь. Так, наладонник на месте, вот и кошелек–защелка с остатками денег, вот и... что это? Пальцы нащупали листик бумаги, которого там точно раньше не было. Кто-то сунул ей записку. Заурядное приглашение на любовное свидание, или что-то интереснее? Она быстро подошла к желтому кругу света под висячим фонарем, развернула записку и увидела арабскую вязь: «Есть новости из Халифата, может касаться тебя, надо поговорить. Встретимся сегодня в десять в сквере *Paroisse Tobi Blehouan*». Подписи не было. Замиль повертела листик в руках – обычный квадратик гофрированной бумаги, такие продаются здесь в лавках и крепятся к дверям. И почерк незнакомый.

Уже подумав так, Замиль обругала сама себя – ну чей почерк тут вообще может быть для неё знакомым? Тем не менее – новости оттуда, из ненавистного Государства Закона, которые могут касаться её. А с чего писавший вообще взял, что какие-либо новости могут её касаться? Узнал что-то о её прошлом? Или тоже принадлежит к разветвленной сети осведомителей «слепней»? Замиль смяла твердый квадратик в руке. Она хорошо знала этот маленький грязный скверик вокруг какой-то церкви из менее посещаемых, в четверти часа ходьбы от её дома. В десять часов там практически безлюдно. Безопаснее всего было бы просто выбросить этот листок, вернуться быстрее домой и не выходить до утра. Но... если там действительно что-то важное? Ведь она теперь собирает информацию для Адедайо. Он тогда сказал – придется куда-то поехать, что ей совсем не понравилось. Может быть, и ехать никуда не надо, если она узнает что-то ценное и здесь? Замиль ощутила, как противно тянет где-то в животе, как было не раз за последние месяцы, когда ей приходилось принимать опасное решение. И ничего хорошего обычно не выходило. Она еще раз глубоко вдохнула, посмотрела на записку, перечитала. Пойдет, она все-таки пойдет туда. Просто будет осторожна – в конце концов, она же девочка из трущоб, да и «тычок» у неё есть. Сейчас пол-десятого – вполне успеется.

¹⁵ Зук – ритмичная танцевальная музыка

Когда она добралась до скверика, уже совсем стемнело. Над головой замерцали звезды, но, если раньше Замиль наслаждалась головокружительной вязью огней в чернильном африканском небе, то теперь и звезды, и полоска ущербной луны казались ей зловещими, а сам скверик каким-то особенно темным, зловонным и опасным. Она мерила шагами короткую дорожку от дверей церкви до обшарпанной статуи на входе, слишком взвинченная, чтобы присесть на одну из еще не сломанных скамеек.

Кто написал записку? И зачем? Её, конечно, уже звали на «свидания» в такие местечки, и бесплатно, предполагая её слабый передок, и обещая деньги. Но еще ни разу не намекали на прошлое, и чутье, которому Замиль привыкла верить (хоть оно и не раз её обманывало), твердило, что в этот раз все гораздо серьезнее. Но, может, этот загадочный отправитель и не явится сюда вообще, может, это шутка? Вертя в голове эту мысль, Замиль не успела разобраться, успокоит ли её такой исход событий или разочарует, когда за спиной послышался голос:

– Ты не опоздала, а такое часто бывает у женщин. Давай присядем, поговорим.

Она резко обернулась, сердце трепыхнулось где-то в горле. Темная фигура двигалась к ней со стороны церкви, лица не разглядеть, голос казался знакомым. Человек обратился к ней на *дарижа*¹⁶, но многие местные магрибцы говорили так.

– *Миса-иль-хир*¹⁷, – напряженно проговорила Замиль, невольно сделав шаг назад, – это ты хотел видеть меня?

Человек сделал еще пару шагов, выйдя из густой тени в рассеянный ночной свет, и Замиль узнала его. Фарид, мрачный бородач–бербер, который с самого начала посматривал на неё недоверчиво. Она не раз слышала, как он спорит с другими магрибцами о жизни в Новой Дагомее, но с ней первым он ранее никогда не заговаривал. Что его-то привело сюда?

– Я. – Фарид сделал еще несколько шагов и теперь стоял прямо напротив неё. – Там, в De Koungbe, многовато лишних ушей, да и местечко скверное.

– А что ж ты тогда ходишь туда каждую неделю? – спросила Замиль, настороженно следя за ним. Он не пытался подойти ближе, что её немного успокаивало.

– Наши собираются там, – пожал плечами Фарид, – им нравится местное хмельное пойло да твои танцы. А от своих отбиваться негоже.

– Ты хотел мне что-то сказать? – судорожное напряжение немного отпустило, и Замиль почувствовала что-то вроде азарта. Нет, вряд ли речь идет просто о любовном свидании, Фарид не кажется таким человеком. Может, и правда скажет что-то важное?

– Что в Котону прибыли новые люди, из наших, да из самой Мадины. – Мужчина качнул головой, словно показывая, где именно находится Мадина. – Из твоих родных мест. Да ты и сама ведь знаешь, что там происходит, недаром же сбежала?

– Я не сбежала, – машинально отрезала Замиль, а помолчав немного, добавила: – Откуда ты знаешь?

– *Бобы во рту не растворяются*¹⁸. – Фарид пожал плечами. – Мы все тут связаны. Ну, может, не все, но многие. Ты думаешь, ты одна такая в De Koungbe?

– Какая – такая? – Замиль ощутила, что теряет контроль за разговором, и ей почудилось вдруг, будто в темной воде вокруг неё нарезает круги огромная хищная рыба. Она потрясла головой, прогоняя наваждение. – Что ты хочешь сказать? Говори прямо.

– Что мы с тобой делаем одно дело в этих краях. – Фарид теперь заговорил прямо и жестко. – Потанцевали и хватит. Новости, которые пришли из Аль Джазиры, меняют все – и для меня, и для тех, на кого ты работаешь.

¹⁶ Дарижа – марокканский диалект арабского языка

¹⁷ Миса–иль–хир (араб.) – добрый вечер

¹⁸ Бобы во рту не растворяются – арабская поговорка, соответствующая русской «шила в мешке не утаишь».

Вот рту у Замиль разом пересохло. Фарид тоже работает на Адедайо? На «слепней»? Но как такое может быть, он же мусульманин, и даже из строгих, например, не пьет хмельного в De Koungbe? Или это все маска? Адедайо намекал ей, что у него есть и другие осведомители в Фиджросе, может ли Фарид быть одним из них? И связано ли это с новым её заданием, о котором говорил он ей сегодня?

Удивительно, как много мыслей может пронестись через взбудораженный мозг за время, которого не хватит, и чтобы высечь огонек из зажигалки.

– Что за новости? – словно со стороны, услышала Замиль свой голос.

Фарид сунул руку за пояс, тут же вынул её, сжимая что-то черное. Почти неразличимые в темноте, его пальцы сделали пару коротких движений, и бородатое лицо осветило мягкое зеленоватое свечение экрана. Наладонник.

– Иди сюда, покажу, – кивнул он ей, – записку мою ты прочитала, значит, грамоте обучена.

Замиль шагнула ближе. Фарид, смотрел на экран, словно ища там какое-то окошко. Сделав еще один шаг, она наклонилась, посмотреть, что он вывел на наладонник. И вдруг темнота всколыхнулась, и грубые пальцы резко сжали ей горло. Боль словно разорвала её шею пополам, она попыталась вскрикнуть, но вышла только засипеть, рванулась в сторону, отчего стало только больнее.

– Легко же ты попалась, полицейская лисица, кяфирская подстилка, – хриплый голос Фариды ворвался в уши глухим рычанием из темного облака боли и дикого страха. – А я, дурак, до конца не верил. Ну-ка, повернись, дай в паскудные твои глазки гляну...

Он надавил пальцами крепче, Замиль показалось, будто её шея разрывается изнутри, перед глазами словно расцвело дерево с алыми ветвями. Она судорожно взбрыкнула, и, резко подогнув ноги, скользнула вниз и вперед.

Пальцы на шее на секунду ослабли, и Замиль судорожно втянула воздух. В следующую руку Фариды снова сжала ей горло, но в этот раз она оказалась ниже его, и мужчине пришлось нагнуться. Замиль увидела прямо над собой его искривлённый рот, обрамленный кустистой щетиной усов и глаза, казавшиеся в разбавленном луной сумраке провалами колодцев. Судорожным движением она выбросила правую руку вверх, целя в них пальцами, и ощутила подушечками что-то мягкое и податливое. Фарид дико взвыл, отпустив её горло и схватившись за лицо, Замиль рухнула на землю.

В этот миг ей показалось, что она во сне – из тех, что донимали её последние ночи, болезненно-ярком и искривленно реалистичном. Взорвавшийся узорами ярких созвездий темный купол над головой, кривая прореха луны, пляшущие силуэты деревьев. Но наваждение рассеял яростный рык Фариды:

– Ты мне глаз выбила... с–с–сука, верблюдица течная, я тебе матку вырежу!

Все еще прижимая одну руку к правому глазу, второй он лихорадочно нащупывал что-то под поясом. Вывалившийся из пальцев наладонник мягко поблескивал на дорожке зелено-серым экраном. Замиль прекратила о чем-либо думать. Ей приходилось защищать себя, еще в Мадине – чаще от мужчин, хотя пару раз и от женщин, и она помнила, что идти на попятный после первого удара значило погубить себя. Все еще сидя на земле, она откинулась и изо всех сил выбросила вперед правую ногу, целя Фариду под колено. Он пошатнулся, и взмахнул рукой, пытаясь удержать равновесие, тогда Замиль, упершись задом в землю, изо всех сил ударила его по ноге еще раз – и мужчина рухнул, оторвав левую руку от глаза, чтобы подставить при падении. С его искривленных губ срывались стоны вперемешку с берберскими ругательствами, и Замиль, холодея, увидела, что в одной руке он сжимает короткий широкий нож. В следующую секунду Фарид махнул ножом, пытаясь достать её, но поврежденный глаз помешали ему прицелиться, нож лишь рассек воздух. Замиль вскочила на ноги, как подброшенная пружинкой. Её тут же повело в сторону, в ушах шумело, шея болезненно пульсиро-

вала, легкие, казалось, вот–вот лопнут. «Он убьет меня», – мелькнуло в голове, и, отпрыгнув в сторону от руки с ножом, она подняла пятку и со всей силы обрушила её на вывернутую вбок щиколотку Фарида. Хруст ломающейся кости она скорее почувствовала, чем услышала, а в следующую секунду её оглушил яростный вопль. Мужчина выгнулся на земле дугой, пытаясь дотянуться до поврежденной ноги, и Замиль шарахнулась в сторону. Бежать, бежать немедленно, пока... но, кинув взгляд на корчащегося на земле Фарида, так и не выпустившего из одной руки нож, она, едва думая, что делает, нагнулась, подхватила выпавший наладонник и опрометью кинулась прочь.

Глава десятая

Таонга съежилась, словно ей вдруг стало холодно – какой бы нелепой ни была мысль о холоде в липком жаре котонского послеполудня. Ей было плохо: не потому, что желудок донимала тупая изжога от местной пересыпанной специями еды, а от того, что она слышала. Разговор шел на *хассания*, гортанный мавританский говор царапал уши сухим песком, и она прекратила судорожно вслушиваться, смирившись, что не сможет понять все.

Новые друзья Салаха – такие же беглецы из Государства Закона, мрачные бедуины, которым, по разным причинам, не нашлось места в новом Халифате, пришли домой вместе с ним, и, естественно, первым делом поставили чайник. Сейчас мужчины сидели друг напротив друга, взбудораженно переговариваясь, один (Салах представил их, но имена не запомнились) что-то показывал на наладоннике, другой, как обычно, переливал чай из стаканчика в стаканчик¹⁹, ничуть не теряя нити разговора.

Таонге не приказали покинуть комнату – хотя, немного представляя нравы бедуинов, она этого ожидала. На неё просто не обращали внимания, что было даже лучше, потому что никто не мешал ей думать. И мысли отчаянно металась в её голове. Во-первых, эта белая стерва опять впуталась в какие-то темные дела с местной полицией (или не полицией, а кем-то повыше?), и в очередной раз доигралась. Казалось бы, ей-то что до этого – но, как и тогда в Марсале, она тянула за собой всех их... и Таонга ощущала жгучее желание намотать на кулак роскошные волосы Замиль и приложить её пару раз головой о стенку. Впрочем, её прошлая попытка подраться с Замиль закончилось тем, что она потом несколько дней хромала. И, в любом случае, дракой теперь уже не поможешь.

С утра ей неожиданно позвонила Джайда. Та была в панике, сказала, что Замиль ворвалась домой поздно вечером с бешеными глазами, и начала рыться в своих вещах. Сказав что-то вроде «они придут сюда за мной», опрометью покидала что-то из своих тряпок в сумку и выбежала. «Я же говорила ей», – повторяла Джайда со слезами в голосе, но Таонга не успела её утешить. Трубку взял Салах, заговорил с Джайдой по-арабски, после чего оделся, и, наказав Таонге оставаться дома, куда-то вышел.

Дома-то она осталась, но ведь это не значило, что надо сидеть без дела. Уже успевшая освоиться с местными программами, Таонга зашла в «нитки» разговоров для местных магрибцев, и, шурясь от натуги, почитала, что те пишут. Вроде, никто не упоминает о Замиль или каких-то особых новостях. Тогда она решила связаться со Стефано.

К её удивлению, он уже знал обо всем.

«Джайда написала мне и спросила, что делать, – отпечатал ей в окошке диалога рыбак, – я сказал ей собрать все самое ценное, двигаться в порт и ждать меня на вокзале. Быть все время на глазах у людей. Сейчас я в море, но после трех вернусь и её заберу».

«Ты имеешь представление, во что влезла Замиль?» – набрала ему в ответ Таонга.

Ответ был ожидаем:

«Спуталась со «слепнями», в этих районах их много. Видно, местные как-то узнали. Выглядит так, по крайней мере».

«Ты думаешь, это коснется нас всех?»

«Сложно предсказать. Кстати, ты же чистишь «метелочкой» окошки разговоров?»

«Когда как, а надо?»

¹⁹ В рамках мавританской чайной церемонии чай переливается из стаканчика в стаканчик и обратно в чайник, пока сапожины не образуют на его поверхности пенную шапку.

«Здесь это особо не поможет. Говорят, «слепни», ну не рядовые, конечно, их начальство, легко выпарапывают всё из «облака».

«Откуда?»

«Облако. Долго объяснять. Если коротко, мы тут все под колпаком, похлеще чем в Халифате. Это к тому, стоит ли шлепать языком сейчас. *Big Brother is watching*. Ладно, я занят, потом еще поговорим».

Таонга не очень поняла фразу на английском, хотя ей смутно казалось, что она её где-то когда-то слышала, но не это больше всего занимало её сейчас. Перепуганная Джайда найдет утешение у Стефано, а Замиль? Здесь все сложнее.

Новости взбудоражили Салаха и его новых друзей, и, если и было бы безопаснее просто остаться в стороне от всего этого, то он явно не собирался этого делать. А она... ну что же, пойдет за ним опять, разве у неё есть выбор?

Мужчины, между тем, закончили разговор, пропустив по третьему стаканчику чая. Напряженная и взвинченная, Таонга понимала далеко не все, но главное ухватила – во-первых, местные магрибцы и просто мусульмане живут под плотным наблюдением тех, кого прозвали «слепнями», тайной полиции Новой Дагомеи – и знают об этом. Во-вторых, осведомителей полиции, мягко выражаясь, недолюбливают. В-третьих, несмотря на то, что официально попасть из Новой Дагомеи в Халифат можно только оформив (или купив) кучу документов, существуют и обходные пути. Эти люди их знают. Возможно, даже пользуются. Господь и все африканские духи, хотя бы Салаху не приспичило туда лезть!

– ...надо пойти к этому Си Ибрагиму, – контрапунктом к её тревожным мыслям прозвучал голос Салаха.

Дверь за его гостями закрылась, Таонга успела пожелать им легкого дня, как это было и заведено, но её донимало тяжелое предчувствие, что сюрпризы этого дня еще не кончились.

– ...а потом опять поговорить с имамом. Они могут добыть документы, любые, и даже возьмут не дорого.

Сейчас Салах перешел на мушатари, привычный говор Острова, зная, что Таонге проще его понимать. Он стоял перед ней, мрачный и сосредоточенный, и не заметил жеста, которым она пригласила его сесть.

– Зачем тебе документы, у нас же все есть? – спросила она упавшим голосом. Как будто небо решило наказать её и «сбыть» худшие предчувствия.

– Может пригодиться. – Салах пожал плечами. – Я уже не знаю, чего ожидать, но лишняя бумага никогда не повредит, уж поверь моему опыту. Эта твоя Замиль наворотила дел, но худшее даже не в этом.

– Моя?! – Таонга чуть не задохнулась от возмущения, но мысли Салаха, кажется, были где-то далеко.

– Бейба был год назад в Тиджикже, – сказал он, словно глядя куда-то внутрь себя, – мои родные места. Я покинул их почти ребенком, и с тех пор не возвращался никогда. Знаю, что мать умерла, а я и не поклонился могиле. А отец...

По его лицу пробежала гримаса.

– Старый город умер, говорят они, его больше нет, – продолжал Салах все так же отстраненно, – теперь там новые кварталы, огромные мечети, над которыми развевается знамя Махди, университет, целый студенческий городок вокруг него. Гостиницы, рестораны для паломников. И все это построено за чуть больше, чем двадцать лет, только представь...

– Салах, но Замиль, – Таонга осторожно попыталась вернуть разговор к интересующей её теме, – она же связалась со «слепнями», этой местной полицией. Как думаешь, она передала им все, что знала там, в Аль Джазире?

– Наверняка. – Салах пожал плечами. – Если за это предложили деньги. Она жадна и глупа.

– И что это значит для нас?

– Для нас? – Салах прищурился. – А кто-то говорит о нас, *хабибти*²⁰? Ты хоть понимаешь, где мы сейчас? Те ублюдки, с которыми я столкнулся тогда в Мадине, они же не сами по себе. Они связаны со многими людьми из разных краев Халифата. Понятно, что хотели шумок и к власти в Аль Джазире прийти, но нужно-то им гораздо больше. У них есть друзья и в Алжире, и в Сусе, и, думаю, в самой Тиджикже. И вместе они поджигают фитиль под нашим несчастным миром.

– Салах, – голос Таонги стал умоляющим, – нам-то зачем во все это лезть?

– Тебе не знаю, а вот я уже влез по самую бороду. – Он смотрел, казалось, сквозь неё. – Вопрос только что я потеряю в этом ухвате, душу свою бессмертную или всего лишь жизнь...

Таонга не знала, куда пойти и кому рассказать, что её мучит – и даже, как она могла бы начать этот рассказ. Не так часто в жизни на неё нападала охота исповедоваться. Там, в Марсале, она иногда встречалась с сестрами – хотя их отношения никогда не были слишком доверительными – иногда со знакомыми по тем или другим делам в городе. Она могла выпить с ними чашечку кофе, покурить, сплетничая о мужчинах и жалуясь на них, как у женщин нового Халифата было заведено. Но открывала ли она когда-то им душу? И была бы такая потребность?

Но сейчас ей было плохо – Таонга ощущала, как её буквально снедает одиночество, то самое округло перекатывающееся на языке слово, которое она раньше и не понимала толком. Она тут совсем одна: друзей нет, сестры и дочери далеко, Стефано и Джайде на неё наплевать, Салаха она почти перестала понимать, а он ей и не много-то объясняет.

Два дня прошли как в тумане. Таонга готовила еду, убирала в доме, старалась не заговаривать лишний раз ни о Замиль, ни о Государстве Закона, ни о чем, что отчаянно боялась накликать. Салах же, погрузившийся в свои разговоры по наладоннику, едва её замечал, не становясь менее отстранённым, когда его губы ночью ласкали её соски.

Но, когда она проснулась на третий день, с чумной головой после суматошных снов, и увидела, что постель рядом с ней пуста – Салах в очередной раз ушел, не сказав куда, – то вдруг поняла, с кем хочет поговорить. Это было так очевидно, что она чуть не рассмеялась, не понимая, почему не подумала сразу.

Протянув руку, она нащупала на столе свой наладонник, и начала тыкать в него пальцами, выбирая пытаясь вспомнить, как её записала. Ага, вот...

Когда в трубке после третьего гудка послышался голос, Таонга сосредоточилась и проговорила по-арабски, стараясь подделаться под принятое среди местных арабов произношение:

– Ис–саламу–алейкум! Я не помешала тебе?

– Ва–алейкум–ис–салам! – прозвучал в ответ глубокий грудной голос Клодетт. – Говори, Таонга, у меня все, как обычно.

²⁰ Одно из самых распространенных арабских обращений к близкому человеку – *хабиби* к мужчине, *хабибти* к женщине

Глава одиннадцатая

«... твоё тело собаки сгложут, ослица кровящая».

В тексте сообщения было несколько ошибок. Замиль, которую нанятый отцом частный учитель жестоко гонял некогда по грамматике *фусха*, отметила это совершенно безотчетно. Но что ей было сейчас до прорех в образовании какого-то неизвестного бедуина? Впрочем, она не исключала, что сам Фарид это ей пишет с чужого наладонника. Солнце поднималось в зенит, по улицам Котону ползла курящаяся, влажная тропическая духота, а её колотило, как от холода.

Умом, впрочем, она понимала, что не замерзла, а просто играют нервы. Эта ночь сейчас казалась куда менее реальной, чем любой из её ночных кошмаров. Оставив корчащегося от боли Фариду, она опрометью помчалась по улице, пока его крики не привлекли людей. Не зная, конечно, будут ли эти люди настроены к ней враждебно, Замиль, по всему опыту своей прошлой жизни, полагала, что во всем обвинят женщину. В темноте, дрожащая от страха и возбуждения, она путала дорогу, и ей понадобилось не менее получаса, чтобы выйти к своему дому. Подходя к пансиону, она замерла. Вечерами здесь часто бывают выходящие из De Koungbe магрибцы, что, если Фарид успел сообщить кому-то, с кем встречается? Или его уже нашли? Но рядом мелькали только запоздалые ночные гуляки, и она проскользнула в пансион незамеченной.

По дороге до дома времени успокоиться и осознать случившееся было достаточно. Худшее заключалось даже не в том, что она искалечила Фариду – хотя и за это местные бедуины, насколько она их знала, могли её пустить по кругу, а после прирезать – хуже всего было то, что Фарид её раскусил. Он как-то узнал или заподозрил её в работе на Адедайо, а она, как дура, это подтвердила. Полученное сообщение, второе за последний час, показывало, что его нашли – и теперь, очевидно, всей магрибской община Фиджросе известно, кто тайный осведомитель «слепней». Замиль не знала, что тут принято делать с такими, но и без малограмотных угроз, пришедших на коммуникатор, догадывалась, что её следующая встреча с недавними приятелями из De Koungbe, вероятно, окажется последней.

И вот она здесь, после безумного ночного бегства через полгорода. После того как провела три часа в ночной закусочной в районе Гангбе, трясаясь от волнения и жадно глотая чашку за чашкой жидкого кофе. После того как отшила пристававшего к ней подвыпившего гуляку в районе порта. После того как в глухом предраассветном часу, до предела вымотанная, зашла в портовое здание, где ожидали утренних рейсов на нефтяные скважины хмурые работяги, и опустилась на скамью – отдохнуть, просто отдохнуть, ни в коем случае не спать, сказала она себе тогда. И отключилась, едва облокотившись о спинку. Судьба была к ней благосклонна: резко проснувшись через пару часов, она увидела, что даже не ограблена.

Вытащив наладонник, теперь уже свой, Замиль ткнула по изображенному львиной головой окошку *talkie*, местного коммуникатора. Выбора у неё особо нет – Джайда ничего сделать не сможет, Салах охотнее выдаст её магрибцам, чем окажет помощь, Стефано на неё, вероятнее всего, наплевать. Открылся её разговор с Адедайо. Окошко было пустым – она, по старой привычке, чистила его «метелочкой» каждый раз, и на зеленом поле весело скалился маленький нарисованный львенок. Хмыкнув, Замиль набила: «Мне нужна твоя помощь. Срочно. Я готова делать все, что нужно». Прикоснувшись пальцем к подушечке отправки, она посмотрела немного на полоску разговора и спрятала наладонник в карман. Он ответит, он точно ответит – что будет, если нет, куда ей тогда идти, и у кого просить помощи, Замиль запрещала себе думать.

Подняв голову, она огляделась, против воли ощутив любопытство. Тогда, проснувшись в порту и поняв, что становится все более людно, она панически испугалась. Конечно, в этом

потоке людей трудно отыскать кого бы то ни было, но она чувствовала себя как кошка на горячей крыше, дергаясь и вздрагивая каждый раз, когда появлялось как будто бы магрибское лицо. Наконец, не выдержав, она кинулась к стоянке такси и бросила первому попавшемуся водителю, меланхоличному лысому мужику, выглядящему как мулат: «До парка *Sept étoiles*».

И вот она здесь. Парк *Sept étoiles* располагался как раз на перекрестье Von Filaas с Пляс д'Этуаль, другим богатым районом Котону. Стены домов с плотно закрытыми на ночь жалюзи вызвали невольную оторопь, как человеческие лица с зашитыми веками, хотя Замиль знала, что это *компаунды* – особые жилые комплексы для богатеньких, с освеженными климатиками воздухом, бассейнами под тенью веранд, барами и, Создатель ведаёт, какими ещё атрибутами неизвестной ей роскоши. «Я однажды окажусь там», – сжав себе кулаки, пообещала она в свой первый день в Котону, но пока оказалась только рядом, лишившаяся даже своего скромного уюта в Фиджросе. Проклятье, ну что там Адедайо, отвечает?

Коммуникатор молчал, и Замиль процедила несколько перченых датских ругательств. Но ведь ещё рано, он может спать, или завтракать, или чем там занимаются подобные ему люди по утрам.

Она огляделась. Парк, на самом деле, был совсем неплохим местом. Платный вход – охранник вскинул брови, увидев пестрый салат из одежек и домашних вещей в её сумке, но все же, пропустил – отсекал бродяг и попрошайек. Скамьи из незнакомого ей материала под дерево располагались рядами под затененными аллеями, часто приводившими к небольшим фонтанчикам. Ещё закрытые киоски по продаже мороженого, соков и сладостей сонно моргали пустыми окнами. Но, что нравилось ей больше всего, здесь можно было бесплатно подключиться к Зеркалу. То есть нет, местные говорят Internet.

Спрятав в сумку наладонник Фарида, который она никак не решалась выбросить, несмотря на все, что успела там прочитать, Замиль достала свой и покрутила настройки. Все, теперь и она в том загадочном «зазеркальном» мире, который так манил её ещё дома, в Мадине. Странное дело, на улице она привыкла к новизне достаточно быстро – ну, больше черных лиц, чем дома, ну ладно, всем плевать на сокрытие *аура*та, ну, другие блюда и дома – в общем, просто другой город. Но, заходя в местный «Интернет», она каждый раз ощущала себя так, словно бы оказалась по другую сторону зеркального стекла. В мире, словно наоборот отражающем все ей привычное.

Здесь был блокирован доступ к основным ресурсам Государства Закона – его, наверное, некоторые могли как-то обойти, но у неё и желания такого не возникало. Зато, помимо новостных и развлекательных страничек, принадлежавших Новой Дагомее, которые были для неё без толку, она могла открыть и новости из Союза Обновления. Той самой старой Европы, ну или того, во что она превратилась после окончания Великой войны. Теперь европейские государства объединялись в Союз Обновления, и она уже бродила по их новостным страницам с тревожным любопытством.

Чего ожидать? Она уже этого не знала – после всего, что слышала ещё в Мадине, что ей показывал Салах. Не знала – и боялась. Но все, по крайней мере, отсюда, не выглядело так страшно. Замиль натыкалась, конечно, на изображения полуголых певичек, которых за один наряд в Халифате отправили бы на три года исправительных работ. Но к открытию тела она уже и в Котону успела привыкнуть. Было, однако, много другого, странного и непонятного ей – ряды ветряных мельниц (зачем?), мальчики и девочки в одинаковых костюмах на чем-то вроде обучающих пикников на природе. Дома, словно захлебывающиеся в зелени, люди, рекламирующие странные, похожие на напульсники, устройства.

Находила она даже то, что была способна читать: странички на итальянском и полузабытом датском, но прочитанные новости казались ей такими странными и нелепыми, как если бы были написаны на йоруба. «Свет увидели пятьдесят девочек и мальчиков, все чисты» –

гласила одна такая, написанная по-итальянски. Свет увидели – в смысле, родились? Но разве это не семейное дело? Что значит – чисты? Почему так много пишут о велосипедах, очистке почвы и «совместных уроках» (чего?). Вот и сейчас, она открыла какой-то новостной ресурс на итальянском, принадлежавший неизвестному ей городу в северной Италии, и речь шла о искусственном оплодотворении. Замиль с недоверием рассматривала ученого – женщину с мужеподобным лицом и короткой стрижкой, которая сжимала в руках что-то вроде небольшой пробирки со светло-желтым раствором. Здесь вроде бы можно было нажать на видео и услышать её голос, но только Замиль об этом подумала, как послышался тихий мелодичный перезвон. Кто-то написал ей на talkie. Её сердце замерло на мгновение, Замиль быстро свернула окошко Интернета, и увидела зеленовато-желтый огонек сообщения. Адедайо откликнулся.

В «нитке» их диалога было только голосовое сообщение с одним лишь словом «рассказывай». Неудивительно – он писал по-арабски плохо, с еще большим количеством ошибок, чем угрожавший ей бедуин, и предпочитал бросать короткие указания при помощи голосовой почты, возможности, которую давали местные коммуникаторы.

Замиль вздохнула, подумав, что писать придется долго, нажала кнопку записи голоса и начала рассказывать – о своем вечере, о том, как её разоблачил Фарид и она бежала, сломав ему перед этим ногу. О том, что ей некуда идти, потому что в Фиджросе местные магрибцы, вероятно, захотят её прирезать.

«Я готова на все, – сказала Замиль, – ты говорила, что есть другая работа, важная. Я возьмусь, не сомневайся во мне».

Отправив сообщение, она замерла в ожидании, чувствуя, как сердце болезненно бухает где-то под ребрами. Если Адедайо сейчас откажет – куда ей тогда идти? Что делать? Talkie молчал, и Замиль сжала наладонник так, что едва не сломала экран. И вдруг тишина разорвалась жужжанием звонка, на экране появилось забавное изображение прижатого к уху раструба. Адедайо сам набрал её. Она поспешно поднесла трубку к уху и нажала «прием».

– Легко же тебя раскусили, – послышался его густой голос, Адедайо не считал нужным сказать ей «Салам». – Я понимал, что, рано или поздно, это случится, но, чтобы так скоро... Ну, да тут уже ничем не поможешь. Теперь я не могу тебе помочь, в Фиджросе тебе делать нечего.

– Адедайо, – голос Замиль вдруг охрип, – пожалуйста, я же буду вам полезна...

– Теперь не мне решать, – он не дал ей закончить. – Слушай внимательно. Я дам тебе адрес гостиницы в Пляс д'Этуаль, и позже тебе придет номер резервации на наладонник. Ты придешь туда сегодня после двенадцати. Назовешь на входе имя, получишь ключ. С тобой поговорит серьезный человек. Если ты ему подойдешь – будешь делать, что он говорит. Если нет, барахтайся как знаешь.

– Спасибо, я... – начала Замиль, но Адедайо уже сбросил звонок.

Пляс-д-Этуаль, еще один пижонский район центра Котону она раньше видела только из окна такси, но теперь решила пройтись пешком. Сейчас, когда потеряв работу, уж какой бы она ни была, Замиль болезненно относилась к любым тратам, да и просто ноги хотелось размять, после того, как она три часа просидела в парке и еще два в закуской на углу.

Поднимавшееся солнце и наплечная сумка, на каждом шагу бывшая её по спине, заставили быстро пожалеть о своей жадности – хотя ей, на самом деле, было не до этих мелких неудобств. Широкая улица, на которую она свернула за парком, должна была вывести её к названной Адедайо гостинице, и Замиль вертела головой, словно детская игрушка на шарнирах. В этой части пляс-д-Этуаль отсутствовали компаунды, как и жилые комплексы с закрытым входом, не было и башен из стекла и металла с огромными баннерами компаний и банков, какие она видела на Von Filaas. Кажется, в этом районе состоятельные жители Котону просто ублажали свое тело и тщеславие. Замиль проходила мимо вывесок ресторанов с огромными

верандами за зеркальным стеклом, мимо бесстыдных вывесок баров, которые к вечеру загораются цветными переливами, мимо огромных прозрачных витрин, с которых её приветствовали пластмассовой улыбкой разряженные манекены.

И Замиль казалось, что даже в бездушных взглядах этих истуканов она читает презрение – презрение к человеку, которые бредет пешком, изнывая от жары и усталости, мимо потока сверкающих в тропическом солнце автомобилей. На этих улицах почти не было пешеходов.

Когда же она добрела до указанной Адедайо гостиницы, её сердце упало: перед ней возвышалась настоящая башня, с полукруглой аркой входа, огромными затемненными окнами первого этажа и чернокожим привратником, который, казалось, должен был уже заживо спечься в своем безупречном костюме из фиолетовой ткани с золочеными пуговицами. От нагревающегося на солнце бетона уже веяло жаром, но еще больше – роскошью и миром больших людей с большими деньгами.

Замерев перед входом, Замиль увидела, что привратник бросил на неё такой взгляд, словно она была ползушим на стене тараканом. Господи, куда она идет, её же здесь даже на порог не пустят! На какую-то секунду она была уже готова просто пройти мимо – и лишь понимание того, что тогда перед ней будет бесконечный путь по улицам Котону без всякой ясной цели, удержало её. Набрав воздуха в грудь, Замиль подошла к привратнику и робко проговорила по-арабски:

– Салам алейкум, для меня здесь зарезервирована комната...

Все оказалось одновременно проще и сложнее, чем она себе представляла. Услышав арабский, привратник покосился на неё с плохо скрытой враждебностью и что-то бросил по-французски. Замиль перешла на итальянский и вытащила наладонник, показав ему номер, после чего привратник тут же шагнул в сторону, провел рукой вдоль маленького черного щитка, и огромные стеклянные двери разошлись. Не в первый раз за последние сутки Замиль показалось, что она видит один из своих причудливых снов, тех, что донимали её последнее время.

За огромными зеркальными окнами, которые больше скрывали, чем показывали, её встретил огромный зал, освещенный мягким свечением невидимых светильников. Упоительную прохладу после уличной жары хотелось пить по глоточку. Сверкающий бело-зеленый мрамор, дорожки ковров, кожаные кресла с полукруглыми спинками, и в глубине зала поблескивавшие на барной стойке бутылки. Тут и там она видела людей – в одежде африканского и европейского покроя, которые, развалившись в креслах, тыкали в настольники, переговаривались и потягивали разноцветные коктейли из прозрачных стаканов.

Как и тогда, когда она в первый свой день явилась с Джайдой на Von Filaas, её охватило острое чувство чуждости происходящего вокруг. Другой мир, люди с большими деньгами – и, вероятно, властью, опять как тогда в Мадине. По спине будто забегали муравьи – либо же это её ощупывали презрительно-любопытные взгляды постояльцев гостиницы.

За стойкой регистрации её встретила таким же пренебрежительным взглядом темнокожая девушка в сине-зеленой форме. Замиль на какую-то секунду показалось, что та готова позвать охрану – и, возможно, так оно и было. Чувствуя, как язык прилипает к нёбу, она выдавила *Bonjour*, и просто протянула ей наладонник с открытой ниткой их диалога с Адедайо, где последним сообщением висел номер её резервации.

Через пару минут Замиль уже видела сквозь прозрачную стенку лифта, как перед ней проносятся этажи – прозрачные парапеты, двери номеров с золочеными цифрами, затянутый в темные костюмы персонал. Проклятье, куда её занесло! И при всей своей тревоге, при всем ощущении нереальности, сновидности происходящего Замиль опять почувствовала желчный привкус зависти. Она тоже хочет так жить – и ради этой жизни, ради свободы, которую ей могут дать большие деньги, стоило рискнуть!

Номер, дверь которого открыл магнитный ключ, поразил её не меньше – простыни на кроватях, такие белые, что было больно глазу, низкий столик из темного дерева, хромированная дверца бара-холодильника... Черт, да даже туалет, куда она с облегчением заглянула, выглядел куда чище и наряднее, чем веранда ресторана De Koungbe!

Бросив сумку на заглушавший шаги ковер, Замиль осторожно присела на кровать, стараясь не смять её слишком сильно. Адедайо сказал – прийти в гостиницу и ждать там, не объяснив, ни сколько ждать, ни кого. Замиль вспомнила прочитанную в детстве сказку про девочку, которая попала в жилище великана, и подумала, что сейчас ощущает себя как та девочка. Конечно, предметы не были здесь огромными, как в сказке, но роскошь с успехом заменяла размер.

Время тянулось, минута за минутой, прошел час, потом другой. Замиль, расхрабрившись, распечатала стоявшую на столе бутылку с каким-то освежающим напитком, с наслаждением выпила, а потом долго стояла у окна, глядя на раскинувшийся перед ней Котону. Её номер располагался на седьмом этаже. Она видела перед собой широкую панораму с блестевшими башнями-небоскребами, черными пятнами закрытых паркингов, зеленью, в которой тонули компаунды, а за ними сапфировую полосу моря. Далеко же тебя занесло, девочка, рожденная в Палермо...

Погруженная в свои мысли, Замиль едва не подскочила, когда за спиной раздался голос: – Вот значит, как ты выглядишь – красotka, что играетcя серьезными вещами!

Она судорожно обернулась. В номер вошел мужчина, смуглый и черноволосый, в сахарно-белом костюме, и сейчас он, повернувшись, прикрывал бесшумно скользящую дверь. Замиль замерла, чувствуя, как томительно тянет где-то под ложечкой. Это кто-то из тех «серьезных людей»? Сейчас все решится?

Мужчина между тем, повернувшись, посмотрел на неё оценивающе и сказал:

– Что ж, раз ты здесь и я здесь – мы можем поговорить.

Он говорил по-итальянски, хотя с заметным акцентом.

Глава двенадцатая

«Мы знаем, как убедить твоего мужчину, как заставить его не желать ничего и никого, кроме тебя» – слова Клодетт эхом звучали в голове Таонги, и она курила уже третью сигарету за утро. Не успев толком поесть, она чувствовала, как от каждой затяжки к горлу подкатывает тошнота, но не это сейчас было главное. От тревоги её мутило гораздо сильнее, чем от никотина.

Правильно ли она поступает? И есть ли у неё хоть какой-то выбор? «Ты же одна из нас, – сказала ей Клодетт, когда они говорили позавчера, – ты плоть от плоти нашей земли. А это значит, что ты можешь гораздо больше, чем протирать колени, прося о помощи неизвестно когда и где умершего пророка». Правда это или нет? Ведь еще там, в Марсале, нигерийские переселенцы–йоруба говорили ей о *баба нла* и *ориша*²¹, о таинственных силах, которые мог разбудить только человек, по чьим жилам текла ночная чернь африканской крови. Так может, в этом была своя правда?

Такие силы бы ей сейчасгодились. Салах опять говорил со своим имамом, и ночью она решилась: убедившись, что контрабандиста сморил крепкий сон, она приподнялась и, не смея дышать от волнения, нащупала его наладонник. Арабские загогулины плясали перед глазами, не желая складываться в слова, но перечитывая по второму и третьему разу, она все больше убеждалась в том, что давно начала подозревать. Имам, да обвиснет навеки его член, говорил с Салахом о людях по ту сторону границу – тех, кто не принял Махди. Эти люди якобы хранят заветы Пророка, настоящего и последнего, да благословит его Аллах и приветствует, и ждут новостей с окраин Халифата. И Салах явно думал о поездке туда – зачем, Таонга до конца не поняла, но не это её больше всего волновало.

Салах хочет поехать туда, в это гадючье гнездо, которое он называет своим потерянным домом. Бросив её одну здесь? И не вернувшись? Или как?

Таонга не смела гадать, но сейчас, докуривая сигарету, с горечью подумала, что было бы, наверное, лучше, если бы он проснулся и поймал её копающейся в его наладоннике. Он, наверное, пришел бы в ярость и выгнал её к черту... и все бы закончилось. Мучительная связь, которая держала её рядом с этим мужчиной, наконец оборвалась бы. Но он не проснулся, а самой – она это знала, ей не хватит духу собрать свои вещи и просто уйти. Да и идти – то некуда.

И вот она здесь – возле двухэтажного дома с огромными железными воротами, тронутыми тропической ржавчиной. Клодетт говорила с ней проникновенно, насколько это позволяло несовершенство её арабского, и Таонга поверила. Или захотела поверить, потому что верить хотелось хоть во что-то?

Они будут ждать её здесь – и люди из общины Клодетт, и тот человек, которого она назвала загадочным словом «*боконон*»²². Трусливая мысль – просто развернуться и уйти, мелькнула в её голове, но Таонга зло выругалась, смяла сигарету и швырнула её к мусорной куче вокруг столба. Она общалась с мафиози и разного рода «большими рыбами» со старой Сицилии, с теми, кто ввозил всякую запрещенную дрянь, крышевал отряды рэкетиров, общалась с людьми, которые за утренним кофе могли подписать смертный приговор. Ей ли теперь опасаться каких-то африканских колдунов? И все же её рука, набиравшая на наладоннике номер Клодетт, дрожала.

Ворота заскрежетали, распахиваясь, и Таонга с замирающим сердцем шагнула внутрь.

²¹ Баба нла, ориша – персонажи из традиционной религии африканского народа йоруба

²² Боконон – человек, который проводит церемонию в западноафриканском ритуале вуду

...а уже вечером, дожидаясь Салаха, вспоминала весь обряд, при котором присутствовала, и ей казалось, что она видела дурной сон, который, почему-то никак не хотел рассеиваться. Там были люди, такие же черные, как она, одетые по местной моде – в цветастые костюмы и узкие яркие юбки, аппетитно обтягивавшие крутые женские бедра. Был и еще кто-то – Таонга так до конца не узнала, как выглядел тот человек и был ли он мужчиной или женщиной – обряженный в причудливый наряд, скроенный из самого нелепого тряпья, прикрытого, как ей показалось, соломой. Вместо лица ей ухмылялась жуткая деревянная маска с оскаленным ртом и торчащими зубами.

Были там и юноши, сжимавшие в руках небольшие барабаны, и стояли на земле статуэтки с ажурно вырезанным ликом, и отчаянно квохтали привязанные к кольшку черные курицы.

Все вместе это выглядело настолько нелепым, что у Таонги мелькнула мысль – да неужели это всерьез, или люди просто издеваются над ней? Но потом появился Он.

Дверь высокого крыльца скрипнула и шепотки во дворе разом смолкли – по лестнице спускался мужчина, выглядевший на фоне собравшейся толпы африканцев настолько же неуместно, насколько впечатляюще. Черный, как все остальные, и уже в годах – Таонга видела, как серебрится седина в его курчавых волосах и на небритых щеках – он был облачен в строгий белый костюм. Вытаращив глаза, она смотрела на его белоснежные туфли, безупречные стрелки брюк, пиджак с очень длинными полами («фрак», мелькнуло у неё в голове слышанное когда-то давно слово), на унизанную золотыми перстнями руку, сжимавшую длинную тонкую палку.

А потом Клодетт представила её этому мужчине, и он, ничего не сказав, посмотрел на неё в упор, но так, что Таонга задрожала. Глаза мужчины чуть навывкате, с красными прожилками лопнувших капилляров, казалось, заглянули внутрь неё, и Таонга вдруг ощутила, что не одна. Просто возникло жуткое чувство чужого присутствия в её разуме, и она едва удержалась от желания опрометью кинуться прочь.

– Это наш *боконон*, – донесся до нее откуда-то издали голос Клодетт.

Церемония растянулась почти на два часа – и барабаны непрерывно выбивали ритм, так, что казалось, их звук сливается с током крови в ушах, и на алтарях в специальных подставках на руках у жутковатых идолов курились травы, от которых полз едкий пряный дым. А потом обезглавленные куры начали выписывать дикие круги по двору, натываясь на ноги молящихся, и человек с закрытым маской лицом танцевал, и все пили крепкий пальмовый ликер. Но самым жутким по-прежнему оставался взгляд боконона, и Таонга заворуженно смотрела, как этот человек произносит нараспев слова на языке йоруба (она уже могла понимать кое-что), вдыхает дым горящего корня и водит по воздуху своей тонкой палкой, направив её в сторону пляшущего человека в маске.

Под конец, когда обезглавленные и пойманные куры были разделаны и шипели на тонких металлических прутьях над раскаленными углями, Клодетт сказала ей: «Теперь ты можешь его спросить. Я помогу. Он не будет говорить по-арабски».

И вот, замершая, как нашкодивший подросток, Таонга вновь ощутила, как взгляд боконона шарит по ней – и в ней самой, так, словно ей и рассказывать не о чем, и он давно все знает.

«Я боюсь, что мой мужчина хочет покинуть меня, – выдавила она. – Что мне делать, чтобы мы не расстались?»

И теперь ей было страшно. Не потому, что она не знала, как сделать то, что ей велели – тут все выглядело достаточно просто. Салах должен проглотить ту смесь из мешочка, которую дал ей боконон. Тогда, как перевела ей Клодетт его слова, *лоа* исполнит её желание – «ты не расстанешься со своим мужчиной».

Проще всего размешать это с чаем, который Салах пьет каждый вечер – он все чаще просит её приготовить ему чайничек и подать к постели. Изменит ли таинственное зелье из мешочка вкус чая? Наверное, если положить побольше мяты и сахара, то не очень.

Но пугало Таонгу даже не то, что Салах может поймать её на попытке его опохмелить, а на том, как подействует это загадочное зелье? Боконон говорил о *фа* и *лоа*²³, но корявого перевода Клодетт не хватило, чтобы она смогла понять, кого же призывает на помощь. А вдруг таинственная сила изменит Салаха, сделает его кем-то другим? Вдруг призванный дух не уйдет назад в потусторонний мир? Или – тут её врожденная практичность тонким голоском спорила с разгулявшимся африканским мистицизмом – её просто-напросто обманывали, чтобы добиться пожертвования денег на общину. И воздействие таинственного порошка ограничится, скажем, поносом?

Охваченная тревогой, Таонга мяла мешочек повлажневшими от жары и страха пальцами, и не могла остановиться на чем-то конкретном – пока дверь тихо не скрипнула на несмазанных петлях, и в квартиру не вошел Салах.

– Салам, Таонга, – сказал он ей со входа, – приготовь мне чай.

Чай они пили вместе – и Таонга глотала обжигающий крепкий напиток, едва ощущая и вкус, и температуру. Боконон сказал, что они должны разделить этот чай на двоих. Она размешала порошок с листьями и щедро добавила мяты и сахара, но ей казалось, что по каждому глотку Салаху все более очевидно, что она сделала. Он мусульманин, и Таонга боялась даже представить себе его ярость, если он поймет, что она ходила к африканским идолопоклонникам и дала ему плод их богомерзкого колдовства. В Марсале, где еще терпели веру «старых людей», темные африканские культы были строго запрещены.

Но ничего не происходило – неразговорчивый, как, впрочем, и бывало обыкновенно в последние дни, Салах глотал чай, листая что-то на своем наладоннике. Допив стаканчик, он налил себе второй. Таонга сидела ни жива, ни мертва. Ничего не происходило. Но вдруг, без всякого предупреждения, Салах поднял глаза и проговорил:

– Это точно они.

– Кто? – спросила она, едва не поперхнувшись от неожиданности.

– Те ублюдки с Острова. На которых я там работал. Имам тоже это знает, знал даже без моих слов. Он мудрый человек, хорошо, что ты посоветовала к нему пойти.

Просто ли на него напала охота поговорить или зелье уже начинает действовать?

– Салах... – проговорила Таонга, – я не понимаю. Но я хочу знать, что происходит, и что ты... что ты намерен делать?

Он отставил в сторону пустой чайный стаканчик.

– Правда этого хочешь? Знаешь, это ведь не сплетня, о которой можно забыть после того, как услышал. Здесь жизни на кону. И я не про наши.

– Я твоя женщина, Салах, – Таонга сама удивилась, услышав, как твердо звучит её голос, – мы были с тобой вместе от самого начала. С бегства из Марсалы. Я хочу, чтобы были до конца. Скажи, что происходит, и что ты намерен делать.

Он посмотрел на неё так, как будто его что-то насторожило в её словах, потом в два глотка прикончил чай и отставил пустой стаканчик.

– Хорошо же, – сказал он, – слушай.

И он заговорил.

Таонга напряженно вслушивалась в его речь, в которой, как всегда, когда Салахом овладевали какие-то чувства, все больше сквозил мавританский диалект. Но важно было, не то, как

²³ Фа, лоа – понятия из вуду

он говорил, а что. Конечно, кое о чем она и сама успела догадаться из различных недомолвок. Но сейчас частички головоломки как будто складывались друг с другом в одну общую картину.

Салах взялся за работу на шейхов, которые что-то получали из Беззаконных земель (как он вслед за ними называл Европу) и что-то отправляли туда – причем даже не что-то, а, видимо, закидывали на тот берег каких-то людей. А потом эта белая потаскушка Замиль встретила одного из тех шейхов в своем *bordello* и скопировала переписку, пока тот блаженно пускал слюни.

– И вот, – продолжал Салах, глядя куда-то сквозь неё, – она показала это мне. Как плату – я должен был и её перебросить по ту сторону моря. А там этот ублюдок прямо говорил, что они хотят организовать на Острове *фитна*, беспорядки, чтобы направить гнев людей на назрани, но также против мунафиков, из тех, что только делают вид, будто чтят заповеди Махди. Им нужен новый Газават, и не только в Аль Джазире.

– Но то, что происходит там, в Европе... Беззаконных землях? – осторожно проговорила Таонга. – При чем здесь ты?

Салах мрачно усмехнулся.

– В том, что скопировала Замиль, было и об этом, но урывками, я сначала не понимал, – он взял пустой чайный стаканчик и рассеянно повертел его в руках, – а теперь вот слышу новости о том, что происходит на том берегу моря, и понимаю. Они распространили там какую-то отраву, отчего пошли массовые болезни. Очевидно, это все было связано, с тем, что происходило у нас, и в Магрибе тоже. Хотят, чтобы кяфиры отреагировали, а оттуда уж до нового Газавата пойдет как по накатанной. И я в это впутался по самую бороду.

– Но ты... – начала было Таонга.

Салах не дал ей договорить:

– Не то, чтобы меня волновали проблемы кяфиров, которые уже забыли как и детей – то нормально рожать, говорят в инкубаторах их как цыплят выращивают. Да только это ведь ими не ограничится. Ты помнишь войну, Таонга, ту, Большую войну?

Она вздрогнула – как большинство людей вздрагивало, когда им напоминали о том, что так хотелось забыть.

– Помню, – проговорила глухо.

– И я помню. – Салах передернул плечами. – Мне иногда ночью снится... а ведь многие люди уже забыли. Забыли расстрельные рвы, госпитали с умирающими от радиации, пепел на месте городов. Им кажется, что война – это красиво, ты косишь врагов, а потом возвращаешься домой героем. А ведь ничего красивого там нет...

– Но ты говорил, что имам сам знает обо всем, – напомнила ему Таонга. После многих дней угрюмого молчания Салах снова говорил с ней – прямо и откровенно. Неужели так быстро подействовал загадочный порошок?

– Знает, он о многом знает. И говорил, что там, в сердце Халифата, в Тиджикже, в Шингетти... есть люди, которые недовольны. Которым помнят, как должно было быть, и что после Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, не было и не может быть пророков. Кто не боится Ордена Верных и гиен с черными перстнями на мизинцах.

– Тогда почему они молчат?

– Молчат... – Салах не то усмехнулся, не то оскалился, показав неровные зубы. – А ты знаешь, что было тогда, вот уже почти четверть века назад? Знаешь, как строилось это поганое Государство Закона? Я видел. Начиная от самой Тиджикжи, где они... где они убили моего отца. Не только, впрочем, его. Я тогда бродил, здесь и там, Киффа, Алег, Нуакшот. Потом до Даккара даже добрался. Везде было одно и то же – на улицах толпы, знамена с восходящим солнцем, бронемашин, а на окраинах расстрелы. Один Аллах ведает, сколько людей тогда загубили махдисты. Так что те, кто теперь там остался – выучены молчать.

– Но что тебе до того? Ты сейчас в Котону, махдисты до тебя не доберутся? Салах, ты же не думаешь... ехать туда?

Он посмотрел на неё в упор, но Таонга не отвела глаз.

– Где твой дом, Таонга? – вдруг спросил он. – Где твой настоящий дом? Ты же родилась в Африке?

– В Нигерии, – и она пожала плечами, – почти не помню её, да и нечего там вспоминать, думаю. Я выросла в Марсале. А теперь вот здесь.

– А я вырос в Тиджикже, – сказал Салах, – на одних улицах с самим Махди, представь? Там лежат в песке мои мать и отец. Там, наверное, мои братья. Если не переехали – я от них больше десяти лет ничего не слышал. И оттуда сейчас ползет вся эта ядовитая плесень, и даже те полоумные, что нанимали меня в Аль Джазире, смотрят на Тиджикжу и ждут приказов оттуда... Прямо из моего дома. Так как ты думаешь, Таонга, хочется мне туда?

Было ли это воздействие колдовского порошка? Все так странно сложилось... Салах говорил с нею долго и откровенно, как уже очень давно не бывало, а она говорила с ним. Его тянет в родные края, и этот проклятый имам только распаляет его тоску, намекая, что там есть с кем поговорить, кому передать последние новости из Аль Джазире, кому будет интересно все, что Салах видел и знает.

Но, когда говорила Таонга, взгляд Салаха смягчался. Он кивал ей, и даже улыбался, что в последнее время бывало нечасто. А потом легко обхватив за плечи, увлек на кровать, и вот уже они торопливо срывали друг с друга одежду.

Поздно вечером, когда Салах уснул, Таонга лежала рядом с ним, дрожа не от ночной прохлады, а от нахлынувших мыслей. Когда они лежали в объятиях друг у друга, все еще тяжело дыша от наслаждения, она спросила Салаха: ты не покинешь меня? И он ответил: нет, обещаю. Так может, порошок этого боконона все же не так бесполезен, ведь разве не этого она хотела?

Может, все в итоге будет не так плохо – и они смогут хоть на время обжиться здесь, в Новой Дагомее? Таонга даже начала мысленно строить планы, чем могла бы здесь заняться, когда тихо прозвенела мелодия входящего сообщения. Кто-то написал ей на наладонник. Она протянула руку, чувствуя, как в груди замирает от нехорошего предчувствия. Кто и зачем может разыскивать её около полуночи?

И, увидев сообщение, с трудом подавила желание одновременно выругаться и расплакаться от злости. Написанное по-итальянски короткое уведомление гласило:

«Надо поговорить. Касается в том числе и Салаха. Замиль».

Глава тринадцатая

Электрический поезд до Порто-Ново оказался примерно таким, каким Замиль представляла себе африканские поезда. Мог бы быть и хуже, конечно. Но в целом – сидения вытерты не так уж сильно, стекла почти прозрачны, пол почти не заплыван и вентиляционные окна делали липкую духоту внутри терпимой. В общем, полтора часа можно выдержать.

Хуже были её попутчики – пестрое население жилых районов окраин Котону. В основном африканцы, в цветастых одеждах, смеси местных представлений о моде с теми, что занесли «культуртрегеры» из Нанкина, Кейптауна и Сан-Паулу. Они поедали фрукты, переодевали верещащих детей и оглашали вагон многоязыким гомоном. Уже через десять минут этот галдеж начал казаться Замиль невыносимым, а через двадцать она готова была набрать самых больших апельсинов в стоявших на перронах лотках и лично вбить по целому фрукту в глотку каждому из пассажиров.

Впрочем, сумятица дагомейской железной дороги хорошо сочеталась с сумятицей в её мыслях, и сама Замиль отмечала это с мрачной иронией.

Вчерашний разговор не шел из головы – слишком уж потрясло её сказанное. Тогда, в гостиничном номере, мужчина представился ей как Филиппо – хотя явно говорил на итальянском не как на родном. Он вошел как к себе домой, развернул стул, указав ей на другой, и сказал: «Значит, говорим».

Говорили они почти час, и за это время Замиль показалось, что стена, отделявшая её от старого мира, пошла трещинами и рухнула. Перед ней сидел человек, который не пережил ничего из того, что пережила она, но который словно вынырнул из тех старых фильмов, что она украдкой смотрела по Зеркалу еще там, в Мадине.

О себе Филиппо почти ничего не сказал, кроме того, что родился в Сан-Паулу, потом жил и работал в Генуе, ставшей, после гибели Рима в ядерном облаке, крупнейшим итальяноязычным городом Союза Обновления. Но Замиль интересовала не его биография, а загадочная жизнь той новой Европы, которую она так судорожно пыталась постичь, блуждая по новостным страницам. Она хотела знать, и ей было страшно знать, после того, что ей говорили и показывали там, дома.

И Филиппо рассказал – немного, но Замиль впитывала его слова жадно, как ссохшаяся за август земля первый осенний дождь.

И вот теперь, когда их галдящий, пропахший потом, апельсинами и детскими пеленками поезд вкатывался на окраины Порто-Ново, она вновь и вновь прокручивала услышанное в голове. Другая жизнь есть, и она не так страшна, как ей говорили. Не так страшна, но требует денег. И будь она проклята, если не сможет их заработать.

Да и выглядело все не так сложно – по крайней мере, на этом этапе. Встретиться здесь по адресу, который ей дали, с людьми, говорящими по-арабски. Задать им те вопросы, которые она заучила вчера вечером как *магриб*²⁴ в детские годы. Связаться еще раз с Таонгой и попробовать через неё разговорить Салаха. Показать, что готова к чему-то более серьезному.

И более серьезное придет. Филиппо прямо сказал, для чего её готовят: она должна через проницаемую северную границу перебраться в Государство Закона. И, доехав до самого его центра, до Тиджикжи, встретиться с теми, кого ей назовут. Замиль запрещала себе думать об этой поездке, потому что, когда она вновь представляла себя там, в самом сердце Халифата, окруженной или полоумными фанатиками, или жестокими лицемерами, у неё как будто что-то обрывалось внутри, и к горлу от ужаса подкатывала тошнота. Вот и сейчас... так, стоп, нельзя. Она сделает это, сделает и точка. И это будет её билет в новую жизнь.

²⁴ Магриб – здесь имеется в виду вечерняя молитва в исламе

Порту-Ново, между тем, удивил её донельзя. Она думала, что знает, чего ожидать от Новой Дагомеи, после того как видела и сверкающие стеклом и металлом высотки центра Котону, и жужжащий улей его окраин. Но Порту-Ново ничуть не походил ни на то, ни на другое.

От самой улицы, уходившей от вокзала к центру Замиль словно опять попала на Остров, а вернее Остров тех времен, когда он еще был Сицилией. Она видела здания, казалось, опиравшиеся на завитки портиков и решетку колонн, какие никогда не построят магрибцы; видела особняки с легкими жалюзи и написанными по-французски и английски именами владельцев на дверях; небольшие открытые кофейни, где пожилые матроны неспешно беседовали друг с другом, попыхивая длинными сигариллами; металлические заборы с причудливыми завитушками, за которыми утопали в зелени трех- и пятиэтажные постройки с белыми и бежевыми стенами, и резными балкончиками.

И что страннее всего – другими здесь были люди. В поезде Замиль ожидала увидеть еще один африканский город, переполненный галдящими темнокожими детьми этого жаркого континента, но, к её удивлению, по мере того, как она отходила от вокзала, «черная» человеческая струя растворялась, словно вылитая в бочку воды чаша вина.

Здесь было много белых, очень много, и Замиль не могла не заметить, что это были богатые белые. Пожилые сеньоры в старомодных, расшитых узорами платьях, хлыщеватые юнцы в узких темных очках и кожаных сандалиях на босу ногу, солидные (по крайней мере с виду) деловые люди в кремовых костюмах. Они сидели на тенистых верандах, заходили в уличные магазинчики, аккуратно вели автомобили по узким улицам. Замиль, в который уже раз за эти дни, вертела головой во все стороны, как любопытный пятилетний ребенок на ярмарке, и даже ощущала некоторую неловкость за свое платье африканского покроя. Здесь она бы хотела жить даже больше, чем в искусственной роскоши центральных районов Котону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.